

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ
НЕСГИБАЕМЫЙ.
ВРАГ ПОЧТИ НЕ ВИДЕН

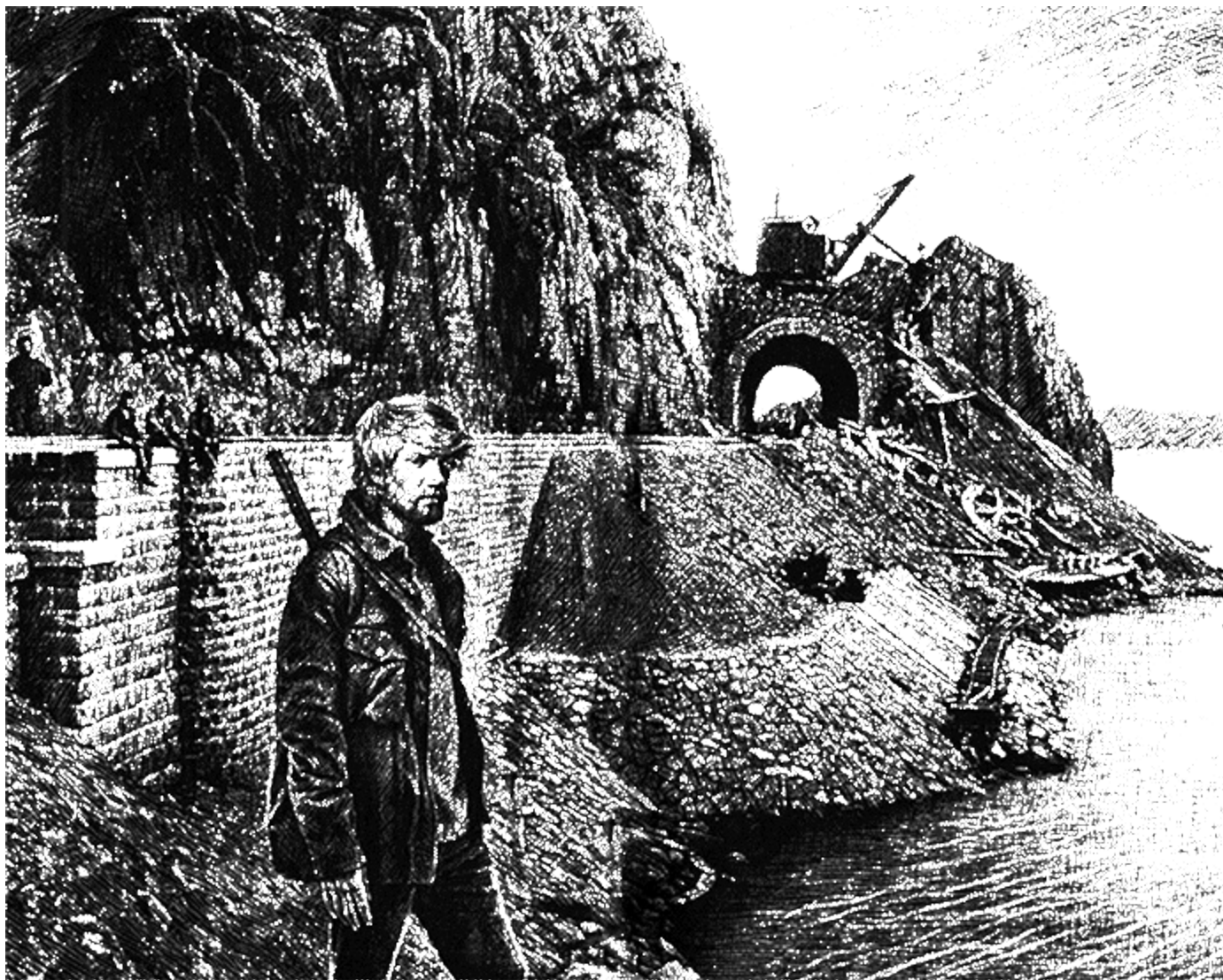
Annotation

О чем в первую очередь подумает наш современник, будучи хорошим автослесарем и оказавшись в мире, где балом правит пар? Правильно. Он решит создать двигатель внутреннего сгорания. Конечно, будет нелегко и даже опасно. Но ведь и удачу нельзя сбрасывать со счетов. Пару-тройку раз едва не отправился на тот свет? Ерунда. Зато стал золотодобытчиком и владельцем прииска. Угодил на скамью подсудимых за преступление, которого не совершал? Мелочи. Зато встретил настоящего друга и соратника. Едва не оказался жертвой кровной мести и чудом разминулся с костлявой? Тоже не так все плохо. Зато повстречал ту, с которой захотелось бы прожить до глубокой старости.

Вот только не все еще на этом заканчивается. Потому как, если ты притягиваешь к себе удачу, будь готов к тому, что она ходит рука об руку с неприятностями. Большими неприятностями.

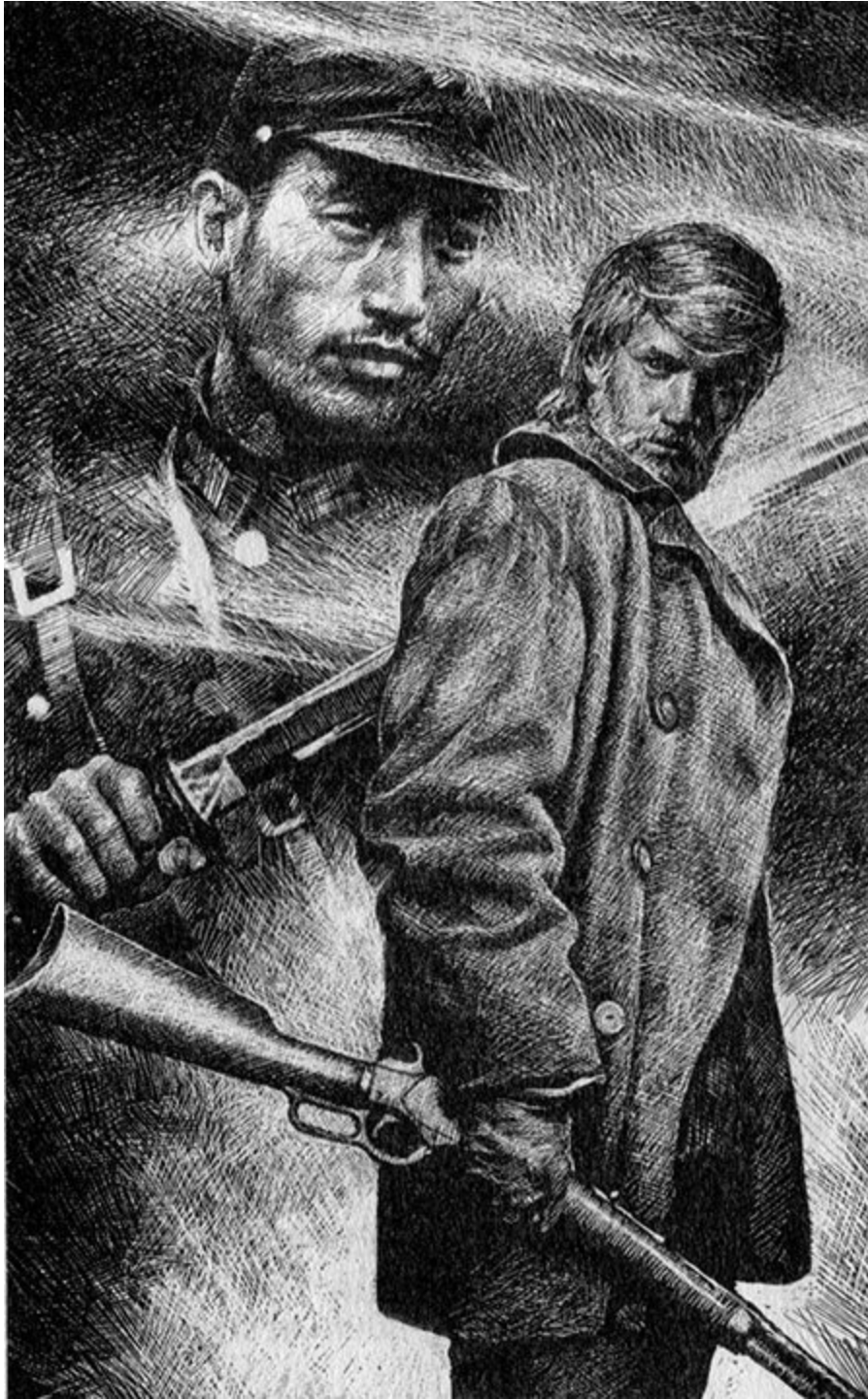
Константин Калбазов

НЕСГИБАЕМЫЙ. ВРАГ ПОЧТИ НЕ ВИДЕН

Глава 1

«КРЕСТЫ»

Ростоцкий Антон Иванович. Георгиевский кавалер. Ветеран. Отправился на фронт вольноопределяющимся после первого курса университета и окончил войну в чине поручика. Участник парада победы в поверженном Берлине. Четыре года позиционных боев. Участие в ряде важнейших операций на Юго-Западном фронте. Чуть ли не сотня штыковых.

После победы поступил в университет на механический факультет. Считался одним из талантливейших студентов. Имел несколько рацпредложений и два запатентованных изобретения, пусть пока и не нашедших себе применение. И это несмотря на перерыв в обучении сроком четыре года и отупляющую войну. Кстати, отсюда и его великовозрастность

в студенчестве.

В ресторане компания молодых людей оказалась по случаю удачной сдачи зимних репетиций. Ростоцкий собирался готовиться к защите диплома. Его подруга, второкурсница, решила устроить по этому поводу небольшой банкет. Именно она уговорила остальных пойти в ресторан «Астории». Трудно сказать, чего она хотела. Произвести впечатление на молодого и перспективного выпускника или просто приятно провести время с друзьями.

Возможно, первое. То, как девушка вела себя на суде, говорило само за себя. Так переживают и жаждут мщения только в случае потери дорогого человека. Странно. А Петр ничего такого не заметил. Хотя... А что он вообще в тот момент замечал? Ему выдвигают серьезное обвинение, а он, как мальчишка, радуется тому, что узнал имя девушки. Игнатьева Александра Витальевна. Александра, Саша, Сашенька. Это имя подходит ей, словно платье, пришедшееся впору.

Н-да. Похоже, диагноз. А ведь думал, убьет ее, если она посмеет на него взглянуть с презрением, разорвет в клочья и еще бог весть что. Но, к счастью, рассудок не потерял. Сумел трезво подойти к разрешению ситуации. Правда, помогло это мало. Ну да хотя бы досталось не ей, и то радует. А ведь могло прилететь. Очень даже могло.

Дверь открылась с характерным тюремным скрежетом. Это Петр для себя сделал такое наблюдение. Нигде ничего подобного слышать ему не приходилось. Даже в его развеселом детстве. Кто же в здравом уме станет сажать в камеру малолетку? Плевать, что детдомовский. Очень даже может выйти себе дороже. Причем в прямом смысле этого слова. И хорошо как премии или тринадцатой лишат, а то ведь могут и без штанов оставить.

Этот мир не был для него родным. Хотя тут та же Россия. Те же исторические личности. Вернее, практически те же. Потому как характеры у них все же отличаются от известных Петру, как и поступки. Так, например, Колчак, вместо того чтобы поддержать заговорщиков в феврале 1917-го, остался верен присяге. Опираясь на свой безусловный авторитет в войсках, усмирил взбунтовавшиеся запасные батальоны. Затем жестко пресек все беспорядки в столице.

Как результат Февральский переворот так и не был осуществлен. Россия оказалась в стане победителей и еще сумела отстоять интересы поверженной Германской империи. Кстати, она устояла, в отличие от Австро-Венгерской. Эта развалилась на множество независимых государств.

Что за ералаш? Ну это как сказать. Это ведь не тот мир, в котором родился Петр, а очень даже параллельный. И сейчас на дворе начало марта 1923 года. А оказался он здесь полтора года назад. Прибыв из века двадцать первого.

В то лето он приехал в город Красноярск к своему другу по детскому дому. Тот был ученым, трудился в Красноярском университете и горел идеей создания пространственного пробоя. Вот только вместо этого создал машину, с помощью которой можно было путешествовать в параллельных мирах. Вот в такой мир их и засосало после первого же испытания. Васютин погиб сразу же, а Петр остался без надежды на возвращение.

В остальном же он вполне неплохо вписался в этот мир. Хотя его приводили в недоумение буденновки с двуглавыми орлами вместо больших звезд и полное отсутствие двигателей внутреннего сгорания. Вот так вот. Здесь балом правит пар. Бегают паровые автомобили, причем резво так, просто загляденье, самолеты, дирижабли — все на пару. И при этом никакого стимпанка, просто так все сложилось.

Будучи в своем мире автослесарем, и весьма хорошим, Петр отлично разбирался в

двигателях. И конечно же первое, о чем он стал мечтать, — это создать двигатель внутреннего сгорания. А что? Чем не цель в жизни? Опять же можно будет вписать свое имя в анналы истории этого мира.

Двигаясь в этом направлении, ему пришлось преодолеть множество испытаний. Не раз и не два рисковать собой. Но с другой стороны, несмотря на все трудности, ему, словно в награду за стойкость, постоянно везло. Уже через два года Пастухов стал купцом-золотопромышленником, зарегистрировав права на золотиносный участок. И все-то складывалось у него хорошо, но... И черт его дернул поехать в столицу!..

В допросную комнату вошел мужчина среднего роста, с солидным брюшком, подкрученными усами и бородкой клинышом а-ля «император-самодержец». При этом мужчина отирал носовым платком свою покрасневшую шею и пыхтел, как паровоз перегретым паром. Вроде и не скажешь, что особо толстый, чтобы так-то страдать. Но Петр знал: это вызвано тем, что адвокат только с мороза, вот и бросает его в жар.

Что бы там ни говорили о царских тюрьмах, но натоплено тут изрядно, впору в исподнем ходить. Впрочем, в камере Петра, где заключенных около десятка, считай, так и ходят. А то и вовсе с голым торсом. Разве что в шпанах. Отсвечивать в калсыонах все же моветон.

— Здравствуйте, Аркадий Петрович, — поздоровался Пастухов с адвокатом.

— Здравствуйте, Петр Викторович, — ответил тот, устало опускаясь на стул.

— Чем порадуете?

— А разве я вас уже не порадовал?

— Меня приговорили к четырем годам ссыльных поселений. По-вашему, это «порадовали»? — откидываясь на спинку стула и впериw недовольный взгляд в адвоката, возмущенно возразил Петр.

— В вашей ситуации добиться лучшего результата было невозможно.

— Что значит — невозможно? Я его не убивал, — упершись руками в столешницу и нависнув над адвокатом, возмущенно выкрикнул Петр.

Тут же скрипнула дверь, и в комнату заглянул надзиратель, обряженный в черную форму. Аркадий Петрович поспешил выставить руку в успокаивающем жесте:

— Все в порядке. Это нормальная реакция. Клиент полностью себя контролирует.

— Может, все же присмотреть? — остановившись в дверях, поинтересовался надзиратель.

При этом он так зыркнул, что, казалось, был готов прибить Петра на месте. Об этом буквально кричал весь его облик. Дай ему только законный повод, и, никаких сомнений, размажет тонким блином. И Петр прекрасно осознавал, что этот детина скорее всего ему не по зубам. Правда, в жизни всегда есть место случаю. Вот только он не стал бы делать на него ставку.

— Нет необходимости. Если что, я нажму на кнопку вызова, — заверил надзирателя адвокат. — Петр Викторович, присядьте. Присядьте, иначе он не уйдет.

Петр в очередной раз окинул надзирателя взглядом и опустилс на стул. Какой-то театр абсурда. В своем мире едва не оказался на скамье подсудимых по надуманному обвинению. Здесь успел спровадить на тот свет целую прорву народу. И едва уверился в некоей справедливости этого мира, как тут же вляпался по самое не балуй. И что самое обидное, он опять был невиновен.

— Аркадий Петрович, я повторяю вам. Да, он нашел меня в зимнем саду. Да, попытался

банально набить мне морду и получил по морде сам. Но когда он лежал там, на полу, то был жив. Уж поверьте, с некоторых пор я научился отличать живых от мертвых.

— Да верю я вам, Петр Викторович. Верю. Но факты — упрямая вещь. Вас нашли рядом с трупом. Незадолго до этого при большом стечении народа между вами произошла ссора. Причем весьма и весьма серьезная.

— Но ведь это же бред. Во всех материалах дела указано, что я был обнаружен рядом с бездыханным телом, будучи сам без сознания. Я не какая-то там институтка, чтобы грохаться в обморок. Я уверен, что меня оглушили.

— Не институтка, это верно. Но зато имеете контузию. А контузия — это дело такое. — Адвокат поднял руку и неопределенно покрутил открытой кистью. — К тому же на вашем теле, и на голове в том числе, не обнаружено никаких следов побоев.

— Да не вопрос. Мешочек с дробью, и никаких следов, а клиент в отключке.

— У Ростоцкого не было врагов. Он остался в стороне даже от повального увлечения политикой. В средствах был стеснен, но никогда и ни у кого не одалживался, пороком игры не страдал, и вообще вел добропорядочный образ жизни. Все его устремления и интересы вертелись вокруг механики. Ну кому вздумается лишать его жизни таким мудреным способом? Кроме прочего, ваши слова проверялись, и полиция отработывала эту версию.

— И как я полагаю, не больно-то усердно, — хмыкнул Петр.

— За усердие не скажу. Но если судить по материалам дела, вполне добросовестно. Увы. Но все против вас.

— И для чего вы сюда пришли?

— Поверьте, никто не смог бы добиться того, что сумел сделать я. Непредумышленное убийство и минимальный срок ссылки — это максимум, что вообще было возможно выжать из сложившейся ситуации. Я имею определенный вес и репутацию в адвокатской среде и именно поэтому пришел сейчас к вам. Я просто обязан предостеречь вас от подачи апелляции. Это приведет только к более суровому приговору.

— Заботитесь о своем добром имени, значит?

— Уже позаботился. Я вас предупредил и теперь умываю руки. Теперь никто не сможет сказать, что я бросил своего клиента на произвол судьбы и не боролся за его интересы до конца. А глупость клиента... Увы, но это только его глупость, и тут любой бессилен.

— То есть я сейчас совершаю глупость?

— Если продолжите борьбу, то да. Если последуете моему совету, то вам следует отписать в суд отказ от апелляции и как можно скорее отбыть к месту ссылки. В этом случае вы будете иметь возможность выбрать место пребывания. Не то чтобы выбор был столь уж велик, но все же.

— Я. Его. Не у-би-вал.

— И что самое поразительное, несмотря ни на что, я вам верю, — вполне серьезно ответил адвокат. — Но поделать ничего не могу. Разве что самолично передать подписанный вами отказ.

— Вы понимаете, что, как только приговор вступит в законную силу, меня лишат купечества и мой договор аренды на золотоносный участок тут же утратит силу? Причем без возмещения убытков. Я не женат, у меня нет компаньонов и наследников, так что участок получается бросовым.

— Разумеется, я это понимаю, — заверил адвокат.

— Хорошо. Поступим так. Мы с вами прямо здесь и сейчас подписываем договор,

согласно которому вы становитесь моим компаньоном и получаете ровно пятьдесят процентов чистой прибыли, которую приносит прииск.

— То есть вы предлагаете мне половину прибыли с прииска, если я вытащу вас отсюда без последствий?

— Именно, — решительно тряхнул головой Петр.

— Н-да. Подобные предложения поступают лишь раз в жизни. Но, как бы это ни выглядело для меня соблазнительно, поделаться я ничего не могу. Да-с. Я сделал все возможное и смею вас заверить — большего сделать не сможет никто. Могу вам посоветовать только одно. Перепродайте право аренды на ваш участок. До вступления приговора в законную силу вы вполне можете это сделать. — Ну а там уж как договоритесь. У вас есть на кого положиться?

— Ну, я бы не сказал, что так уж уверен в этом человеке.

— Тот самый купец, из-за которого все и началось?

— Вообще-то глупо в случившемся винить его. У нас, почитай, все купечество такое. Просто нашла коса на камень, вот и все. Кстати, Аркадий Петрович, а отчего бы вам не перекупить права аренды?

— Мне? — искренне удивился адвокат. — Кхм... Видите ли, Петр Викторович, я тщеславен, что есть, то есть, но не алчен. Отправляться за золотом, сменив удобства столицы на таежную дикость? Брр. Чур меня. Хотя конечно же свой интерес за посредничество в этом деле и за оформление соответствующих бумаг я не забуду.

— Л-ладно. Все одно я ничего не теряю. Дайте бумагу и карандаш, напишу его координаты.

В то, что адвокат и впрямь сделал все возможное, Петр поверил безоговорочно. Теперь оставалось постараться выйти из сложившейся ситуации с минимумом потерь. Уверен ли он в Завьялове? Игнат Пантелеевич — он, конечно, своей выгоды не упустит, но компаньоном будет вполне надежным.

Согласится ли он на условия Петра? Разумеется. У него попросту не будет иного выхода. Понятно, что Петра лишат купеческого звания. Вот только красноярские чиновники узнают об этом по прошествии какого-то времени. Да еще кто-то должен подать весточку о том, что местечко опустело.

Словом, для того чтобы оказаться первым у кормушки, связей Завьялова скорее всего будет недостаточно. В Красноярске одних только купцов первой гильдии порядка четырех десятков, причем все они золотопромышленники, и немалая их часть — не в первом поколении. Завьялов им точно не конкурент.

А вот в случае, если Петр оформит с ним сделку, дело приобретает совершенно иной оборот. Тут уж никто и ничего не сможет поделаться. Как это было в случае с Петром. Разве только подвинуть. Но сомнительно, что кто-то захочет связываться с шурином Кравцова.

Деньги — они, разумеется, решают многие проблемы, но не в том случае, когда замешаны родственные узы. Кравцов не позволит съесть Завьялова, коль скоро тот станет законным арендатором. С Петром же связываться не захотели. Хотя он и не родственник. Так. Всего лишь пару раз спас жизнь господину надворному советнику.

Едва Петр закончил записывать координаты Завьялова, как адвокат поспешил покинуть допросную. Все верно. А что ему тут еще делать-то. Пастухов даже заподозрил, что Аркадий Петрович приходил сюда специально для того, чтобы оформить сделку по прииску. Нет, в то, что он как-то смоделировал ситуацию, Петр не поверил бы. А вот в том, что не преминул

воспользоваться обстоятельствами, не сомневался ни мгновения.

Едва дверь за адвокатом закрылась, как на пороге возник надзиратель. Вот интересно, он всех так ненавидит или именно к Петру испытывает такую неприязнь, что кушать не может?

— Встать. На выход.

Нет, однозначно, при одной только мысли о Пастухове у него начинаются проблемы с аппетитом.

Впрочем, мысли об этом ничуть не мешали Петру выполнять распоряжения надзирателя. Законный повод для внепланового пересчета костей своего скелета давать не хотелось категорически.

— К стене.

Едва выйдя из допросной, Петр тут же встал к стене, справа от входной двери. И стоял так, пока надсмотрщик гремел ключами, запирая дверь. Вспомнился чей-то рассказ о том, что, мол, подобное обращение с заключенными в тюрьмах было возвращено НКВД. Угу. Чушь собачья. Советские тюрьмы использовали опыт старых тюрем.

— Прямо.

Петр отлип от стены и пошел по коридору. У решетки, перегораживающей коридор примерно через десяток метров, картина повторилась. Учитывая же то, что идти ему в противоположное крыло тюрьмы, процесс этот будет повторяться еще не один раз.

Впрочем, все эти команды Петр выполнял уже вполне привычно, не отвлекаясь от своих мыслей. А подумать ему было над чем.

Итак, его осудили за преступление, которого он не совершал. Обидно. И это еще мягко сказано. Знать бы, кто так ловко его подставил. Ведь ясно же, что студент кому-то мешал, и его убрали, воспользовавшись их ссорой. Но кто? Возможно, стоит понять, за что, и тогда заинтересованное лицо само прорисуется.

Красавица Александра. Что там о ней говорил адвокат? Единственная наследница крупного русского промышленника. Одного из виднейших толстосумов империи и лидера в автомобилестроении. Причем его продукция разлетается, как горячие пирожки, не только в Российской империи, но и за границей. За такой завидной партией однозначно ведется охота. Этот же Ростокский крутился вокруг нее, как репей. Да. Скорее всего причина — именно Игнатьева. Ничего другого на ум как-то не шло.

К чему это Петру? Ну как сказать. Вообще-то кого-либо прощать в его планы не входит. А вот спросить... Спросить по всей строгости. Это да. От этого желания его буквально распирало. Конечно, законными путями доказать ничего не получится, ну да где наша не пропадала. Ему главное знать, а там спросит. Пусть и по прошествии нескольких лет. Так месть станет даже слаще. Когда эта сволочь успокоится и не будет ждать беды.

А ссылка... По правде говоря, то, что Пастухов узнал, говорит о том, что здешняя ссылка — это даже не определение на вольное поселение в его России. Можно спокойно работать, можно просто жить за счет своих средств. Владеть оружием, ходить на охоту и вообще жить в свое удовольствие. Только и того, что являться вовремя на отметки к надзирателю. Курорт, йолки.

И насчет выбора места ссылки адвокат не наврал. Если отказаться от апелляции до вступления приговора в законную силу, судья и впрямь может предоставить выбор среди имеющихся вариантов. А нет — тогда ткнет наугад из списка или же выберет что-нибудь особенно неприятное. Оно ведь как. Одно дело, если это будет какое-нибудь сибирское

поселение. А то ведь может оказаться и какое-нибудь чукотское стойбище у самого Ледовитого океана. Разница, однако.

Времени у Петра вполне достаточно. По такому горячему делу Завьялов будет лететь со всей поспешностью. Максимум в четыре дня управится. Это даже если он помчится на поезде. Ну в крайнем случае в пять. Нет. Это вряд ли. Телеграмму купец получит уже часа через три. Как раз ночным и двинется.

Тот, правда, идет на Москву, но это не критично. В Екатеринбурге можно оседлать самолет и долететь за один световой день. И то, что купец не переносит полетов, вряд ли его остановит. Эдак он даже быстрее управится. У Петра же до вступления приговора в законную силу в запасе десять дней. Впрочем, уже девять.

— К стене.

Продолжая пребывать в раздумьях, Петр привычно встал лицом к стене у входа в камеру. Хм. Что-то не так. Несмотря на размышления, он все же видел, что привели его в тот самый коридор, но... Точно. Это не его камера. Соседняя. Растяпа. Похоже, помимо потери аппетита, у надзирателя еще и с головой непорядок.

— Заходи.

— Господин надзиратель, это не моя камера, — попытался было исправить ошибку Петр.

— Твое тут только то, что на параше. П-пшел, урка.

Петр едва не влетел в камеру от сильного толчка. Впрочем, и влетел бы, будь он чуть худосочнее. А так... Ну, пару шажков просеменил, а там и остановился. Впрочем, надзирателю и этого было более чем достаточно, чтобы захлопнуть за Петром глухо бухнувшую дверь.

— О! Новенького подкинули.

Четверо. Двое сложения крепкого, если не сказать больше. Двое — так. Ничего серьезного. Один сухонький, уже в годах, седой, с широкими и густыми шевченковскими усами. Второй — просто шнырь. Шестерка, однозначно. Но именно он и подал голос первым.

— Ну не такого уж и новенького, — возразил Петр, силясь понять происходящее.

— А ты назовись, добрый человек, — попросил сухонький усач.

Все рассказы о том, что в камеру нужно входить как-то по-особому, через какой-то там ритуал, рассказы и есть. Главное и непреложное условие — это вежливость, только и всего. От человека, незнакомого с местными реалиями, ничего иного не требуется. Новый сиделец постепенно входит в местные порядки и правила. И только по прошествии некоторого времени с него начинается спрос по иной шкале.

Это к тому, что никто с порога не начнет тебя гнобить, если на то нет серьезной причины. Ну или тебе не повезло, и ты попал к беспредельщикам. В этом мире воровского закона как такового нет. Есть некие общие правила, которых стараются придерживаться различные группировки, дабы предотвратить беспричинную поножовщину. И во главе группировок стоят Иваны, авторитеты преступного мира, но это еще не Воры. К этому все пока только идет, но, как скоро воплотится в жизнь, неизвестно. В мире Петра этому во многом способствовала Октябрьская революция, или Октябрьский переворот, это уж кому как.

Поэтому сейчас есть те, которые считают, что способны противостоять кому угодно. По сути, это и не беспредел. Просто они берут на себя ровно столько, сколько, по их мнению,

могут унести.

Вообще-то странно, что надзиратель перепутал камеру. И состав сидельцев несколько настораживал. Двое быков и усач, явно душегубы. Это сразу видно по их вальяжным повадкам и взгляду. Пустому, равнодушному, проходящему сквозь тебя, будто ты пустое место и уже не существуешь. Но с другой стороны, вопрос задан достаточно вежливо.

— Петр. Из соседней камеры. Надзиратель вел с допроса, да, как видно, камеру перепутал.

— Уж не купец ли, часом, ты из Красноярска? — вновь поинтересовался усатый.

— И что, если так? — слегка склонил голову набок Петр.

— Здесь я спрашиваю, добрый человек, — покачал головой усач.

— Ты не следователь, чтобы мне вопросы задавать.

— Не следователь, — согласно кивнул незнакомец. — Но на вопросы мои ты ответишь. Добром или нет, то решать тебе.

— О как.

— Да уж так.

— Ладно. Да, я из Красноярска.

— Вот видишь, как тесен мир, купец. Думал я да гадал, как бы мне с тобой повстречаться. А судьба сама нас лбами столкнула. Вижу, не понимаешь. А не ты ли год назад пострелял двух беглых каторжан? Вижу, что ты. Сундук корешем моим был. Такие дела, паря.

Вот так номер. То не везет, не везет, а то ка-ак не повезет. Не опасайся Петр выпустить уркаганов из поля зрения, то непременно сейчас затряс бы головой, куда там коню на водопое. Ну не бывает так! Либо это просто подстава, либо... А он не знал, какое еще «либо». Ну, случайную встречу с корешем покойного он еще допускал. Но откуда этому Ивану знать о Пастухове?

Впрочем, какие бы там сомнения его ни одолевали, в одном он был уверен абсолютно точно. Из этой камеры ему не выйти. Невольно вновь вспомнил про загнанную в угол крысу. По губам скользнула улыбка. Она не вышла ни страшной, ни угрожающей. Скорее была ироничной. А сам Петр, как это случалось уже не раз, вдруг успокоился.

Вот так. Судьба вновь бросила кости, лишив его выбора. А раз выбора нет, то и переживать не о чем. Нужно просто драться. Выйти победителем в данной ситуации — дело мудреное. Но... Хм. Другого-то выхода все одно нет.

Усач продолжал все так же сидеть за столом. А вот его подручные уже поднялись. Камера небольшая. Всего-то метра три в длину, с проходом между двухъярусными койками шириной меньше метра и узким столом посередине. Так что от ближайшего урки Петра отделяло едва ли полтора метра.

Их подвел щуплый. Или все же плюгавый. Скорее всего, он подумал, что купец принял свою судьбу и смирился с ней. А потому шестерка решил выпендриться. Он первым шагнул к приговоренному, сжимая в руке заточку. И первым же получил хук справа, отлетев, подобно мячику, на быка, находившегося слева. Петр вложился в удар качественно, всей своей массой, слегка повернув корпус влево.

Дальше события понеслись вскачь и Петром совершенно не осознавались. Попроси его кто потом воссоздать происходившее, и он не нашелся бы, что ответить. Просто в этот момент все завертелось в каком-то головокружительном вихре, и он попросту не успевал рассмотреть и оценить происходящее.

Поворот вправо, отвести предплечьем левой руки удар заточкой, направленный в печень. И с ходу удар внешним ребром ладони в гортань, с одной-единственной целью — нанести быку как можно более серьезное увечье.

И снова лицом к тому, что слева. Бык уже отбросил в сторону бесчувственное тело шныря и бросился в атаку. Петр едва успел перехватить руку с ножом и, слегка потянув ее в сторону, убрался с пути массивного тела. Оставалось только слегка придать ему ускорения, чтобы он ни в коем случае не успел остановиться. И это Петру удалось. Бык с ходу врезался лбом в железную дверь. Крепкий кулак впечатался в бритый затылок, и голова вновь ударилась о металл, издав глухой звук.

Вновь разворот, чтобы встретить последнего из урок, остававшегося на ногах, и в этот момент бок Петра взорвался острой болью. Усатый с диким криком вскочил на стол и прямо по нему бросился в решительную атаку. Петр едва успел обернуться и самую малость сместиться с линии атаки, благодаря чему и сумел избежать смертельной раны.

Резкий удар по ушам, отчего усач закричал еще громче. Только на этот раз крик был полон не ярости, а боли. Все еще не отдавая себе отчета в своих действиях, Петр от души врезал урке в челюсть, отправив его в компанию к шнырю.

Все. Противников на ногах не осталось. Трое лежали совершенно бездвижные. Четвертый, скрутившись в рогалик у ведра параша, пытался дышать с невыносимым хрипом задыхающегося человека.

Драка может длиться достаточно долго только в том случае, если противники придерживаются каких-то правил. Или если это просто выяснение отношений. Если же противники сошлись в смертельной схватке, то она, как правило, происходит стремительно. Потому что каждый удар нацелен на то, чтобы убить, и никак иначе.

Петр окинул взглядом поверженных врагов, прижимая руку к ране на боку. Потом подобрал одну из заточек и хотел было уже прирезать их всех, к нехорошей маме. Видит бог, как он их сейчас ненавидел. Они хотели лишить его жизни, и у него не было причин желать им здоровья.

Но именно в тот момент, когда Петр хотел уже приступить к воплощению своего намерения, он вдруг осознал, что ситуация серьезно изменилась. Он больше не был загнан в угол. У него появился выбор. Если он пустит в ход заточку, тогда выбора уже не останется и его могут привлечь за убийство, после чего прямая дорога на каторгу. Ни о какой ссылке речи идти уже не будет.

Конечно, оставлять у себя за спиной тех, кто желает тебе гибели, глупо. Но с другой стороны, если Пастухов окажется в числе ссыльных, то и шансы встретиться с ними вновь слишком малы. Нет. Однозначно все говорит о том, что использовать радикальные меры нежелательно.

Сжимая заточку, Петр застучал в дверь ее деревянной рукоятью, призывая надзирателей. Потом посмотрел на оружие в своей руке и, поспешно отерев рукоять рубашкой, отбросил его в сторону. Мало ли как тут у них все поставлено. На противниках, конечно, резаных и колотых ранений нет, и все же лучше будет, если никто не сможет привязать к нему хоть какое-то оружие.

Петр с опаской посматривал на приходящих в себя уголовников. Получивший по затылку сел, привалившись к стене и обхватив голову. Недолго думая Петр снова отправил его в нокаут. Вот ведь какая крепкая башка. Остальные пребывали без изменений.

Вскоре в коридоре раздался топот сапог. Причем бежали не двое и не трое. Как видно,

слетелись надзиратели из соседних галерей. Глазок на двери открылся, и из-за нее послышался требовательный голос:

— Отойти от двери. К стене, руки за голову. Стань правее, чтобы я тебя видел.

Наконец дверь отворилась, и в камеру ввалились четверо надзирателей. Петра тут же повалили на пол и заломили руки. Несколько секунд, и запястья оказались связанными концом веревки. Угу. С наручниками тут пока как-то не очень, но зато руки вязать наловчились на раз. Не миновала чаша сия и тех, кто пребывал в беспамятстве. А и правильно. Кто знает, чего от них ждать. Эвон одних заточек валяется четыре штуки. Да и свалка тут была однозначно не рядовая.

— Что тут произошло? — строго поинтересовался тот самый надзиратель, что определил Петра не в его камеру.

— А это нужно тебя спросить, — глянув ему прямо в глаза, без тени страха произнес Петр.

Вот кого-кого, а этого детинушку он бы на тот свет отправил. Никаких сомнений по поводу того, как именно Иван узнал о том, что это Петр пристрелил Сундука. А может, это все и ерунда. Просто урке нужна была причина, озвученная для кодлы. А дальше он действовал в сговоре с надзирателем. Скорее всего, именно так и обстояло. Но где и когда Петр умудрился перейти дорожку этому цепному псу самодержавия? Чтоб ему пусто было.

Хм. Н-да. Нет, сейчас его кончать, пожалуй, лишнее. Хотя и не факт. Кто сказал, что надзиратель не оставит свои попытки? Он имеет желание и возможности, а потому куда опаснее, чем вся эта кодла. Так что, возможно, имеет смысл все же кончить его и получить срок на каторге, чем ждать удара в спину. Человек пока живет, надеется, в том числе и на самой вонючей и холодной лагерной шконке. А вот мертвые — они уже ни на что не надеются.

— Повторяю вопрос. Что тут произошло? — потребовал ответа надзиратель.

— Объясняю. Один шибко умный надзиратель затолкнул меня не в мою камеру, где меня отчего-то решили прирезать. Пока у них ничего не получилось. Счет в мою пользу.

— Умный, да?

— Да уж не дурак. И учти, господин надзиратель, еще раз ошибешься с камерой, уже не отмоешься. У меня слишком хороший адвокат.

Н-да. Не ошибся. На этот раз Петра уволокли в карцер. Ч-черт. Нет. Однозначно — нужно следить за своим языком. Не хватало еще получить в суд ходатайство от начальника тюрьмы относительно неуживчивого арестанта. Это точно скажется далеко не самым положительным образом на его будущем пребывании в ссылке.

Хм. А жаль все же, что при всем своем прагматизме Аркадий Петрович категорически не согласен иметь дело с взятками. Весь успех его адвокатской деятельности является результатом его профессионализма. Он выигрывает процессы, а не решает вопросы. А как было бы хорошо: сунул мзду судье — и получил желаемое. Вот только от кого ни попадя судья не возьмет.

В карцере Пастухов провел пять суток. Не сказать что условия были столь уж невыносимы, но и приятными их не назвать. У него отобрали его одежду, в которой Петр пребывал ввиду того, что приговор еще не вступил в законную силу. Потом обрядили в тюремную робу, не первой свежести и не по размеру. Ну да хотя бы в чистую. На ногах вместо сапог оказались неудобные башмаки без шнурков. Хорошо хоть размер большой.

Прогулок и свиданий Петра лишили. Это несколько напрягало, но все же было не

смертельно. Куда хуже то, что кормили его лишь раз в сутки, и то выдавали только по половине буханки черного хлеба и литру воды. Что ни говори, но поесть он любил и в камере у него всегда было что-нибудь вкусненькое. Отчего бы и нет, если средств на это вполне хватало и не было запрещено тюремным режимом.

Ну и сон. Спать приходилось на голых досках, укрываясь тюремной шинелью. И это при отсутствии отопления. Конечно, минусовой температурой в карцере и не пахло, но и комнатной ее не назвать. И как только не заболел.

Впрочем, его все одно каждый день навещал тюремный доктор. Обрабатывал рану и менял повязку. А так, в общем и целом, ничего страшного. Прилетело Петру вскользь, и рана была неопасной. По сути, царапина. Повезло, чего уж там. До него дошли слухи, что у усача удар был поставлен хорошо и на тот свет он спровадил многих.

Из карцера его забирал другой надзиратель. Этот относился к Петру более благосклонно. Не за красивые глазки, разумеется. Но и в пределах дозволенного. Правда, он также понятия не имел, отчего его сменщик так окрысился на Пастухова. Петр уже забрасывал удочку, но безуспешно.

После одиночного заточения его сразу же повели в душевую. Угу. Имелась тут таковая. Прогресс, йолки. Пастухов испытал настоящее блаженство, оказавшись под горячими струями воды. Он бы вообще не выходил из душа с часок-другой. Но на помывку выделялось только десять минут. Благосклонность благосклонностью, но, как уже говорилось, в пределах дозволенного, и надзиратель не собирался заступать за некую черту.

Когда вышел в раздевалку, его вещи уже лежали стопочкой на лавке, а рядом стояли сапоги. Все чистое и выглаженное. Хорошо все же иметь нормальные отношения с каптенармусом. Впрочем, тут ничего сложного. Были бы деньги. А деньги у Петра водились. Ну и опять же нормальные отношения — в определенных пределах.

— Виктор Семенович, а что там слышно об этой коdle? — одеваясь, поинтересовался Петр.

— Им впаяли на полную катушку. Так что в карцере они проведут еще десять дней. Ты к тому времени уж уедешь. Если напишешь отказ от апелляции. Послезавтра партию ссыльнопоселенцев отправляют, можешь поспеть к ним.

— Угу. Если меня до того Василий не приласкает. И чего только взелся? Я ведь его никогда раньше не видел. Или покойный Сундук и ему дружком был?

— Про Сундука не скажу. А вот тот, которого ты приласкал...

— Да не убивал я его, — в сердцах перебил надзирателя Петр.

— Угу. Ну так вот. Он вроде как у Василия был взводным и жизнь ему спас.

— Серьезно? — не на шутку удивился Петр.

— После вашей драки разбор был. Драки-то среди заключенных — дело обычное, но за оплошность с надзирателями спрос серьезный. Начальник хорошенько поприжал Василия. Правда, решил сор из избы не выносить. Сам наказал. — Надзиратель внимательно посмотрел на Петра.

— Что, Виктор Семенович, думаешь кляузничать стану? Хм. Ну, где-то я его понять могу. За боевого товарища посчитаться хотел. Но лучше бы ему больше не пытаться.

— Его в другое крыло перевели.

— Оно и к лучшему, — надевая сапог, удовлетворенно кивнул Петр.

— А урки? Этим тоже спустишь? — не удержался от вопроса надзиратель.

— А вот с этими все гораздо проще. Куда проще. Ну что, куда меня теперь? —

поднимаясь с лавки, подытожил разговор Петр.

— В допросную. Там тебя адвокат дожидается. Давай на выход. К стене.

Угу. Нет, понятно, что Петр ему и приплачивает, и отношения у них вроде как вполне нормальные сложились. Но служба есть служба, и порядок конвоирования арестантов по тюремным галереям определен инструкциями.

— Здравствуйте, Петр Викторович, — поднялся ему навстречу адвокат, едва Пастухов вошел в допросную комнату.

— Здравствуйте, Аркадий Петрович. Приветствую тебя, Игнат Пантелеевич. — Едва обменявшись рукопожатиями с адвокатом, Петр протянул руку купцу.

— Кхм. Здравствуй, Петр. Я это...

— Что, опять будешь извиняться? Брось. Чего поминать, коли ничего не изменить. Да и не виноват ты в том, что случилось. Виноватых мы еще найдем. Но попозже. А сейчас у меня к тебе другое дело. И если судить по тому, что ты приехал, ты вовсе даже и не против.

— Кто же в здравом уме-то откажется, — пожал плечами Завьялов.

— Условия знаешь?

— Половина от чистой прибыли, — подтвердил купец.

— Все верно. Интерес Аркадия Петровича пока полностью на тебе, а там посчитаемся.

— Как скажешь.

— Ну-с, Аркадий Петрович, где подписать?

— Пожалуйста. Все подготовлено в лучшем виде. И вот тут тоже. Это отказ от апелляции. Написано завтрашним числом, чтобы никто не мог оспорить право сделки. Мне известно, что партию ссыльнопоселенцев отправляют послезавтра. Так что надолго вы тут не задержитесь.

— И это радует. Признаться, я уже устал торчать в камере.

— В отношении надзирателя, совершившего оплошность, какие-либо действия предпринимать будете?

— Нет, Аркадий Петрович. Василия трогать не надо.

— Но...

— Я сказал — нет. Этот вопрос закрыт. А вот что касается убийцы Ростоцкого... Ну что вы так на меня смотрите? Сколько раз повторять — не убивал я его. Не у-би-вал, — раздельно произнес, как припечатал, Петр. — Игнат Пантелеевич, все-то у нас на потом, но так уж сложилось. Передайте, пожалуйста, Аркадию Петровичу тысячу рублей. Надеюсь, этого достаточно, чтобы учинить розыск убийцы? — Петр вновь перевел взгляд на адвоката.

— Вы имеете в виду наем частного сыщика? — уточнил тот.

— Ну не сами же вы будете искать преступника. На вас только контроль.

— Кхм. Я не могу поручиться, что данной суммы будет достаточно. Все зависит от того, каковы будут обстоятельства.

— Я понял. Но думаю, для начала этих средств более чем достаточно. А там по результатам.

— Как скажете.

— Примерно так и скажу. Бумагу об учинении розыска подготовите?

— Мне потребуется минут десять.

— Превосходно. А пока вы пишете, дайте мне, пожалуйста, лист бумаги и карандаш. Игнат Пантелеевич, я сейчас напишу список, что нужно будет закупить. Знаю, траты предстоят изрядные, но ты уж не скупись. Тем более что половину затрат я тебе

компенсирую. Вот как только доберусь до места ссылки, так и расплачусь. Мыть золото по старинке — глупее не придумаешь. Как все обустроить на прииске, как использовать механизмы, все это Митя знает доподлинно. Не смотри, что мальчишка. Машинистов также подберет он сам. С ним уж давно оговорено. Только гляди работников не обделяй и не обманывай. Не то копейку сэкономишь, а рубль потеряешь. Разнорабочим положи жалованье рублей по пятьдесят в месяц. Мастеровым по сотне. Да об охране позаботься. А то бродят там всякие.

— Не жирно ли будет, с таким-то жалованьем? На приисках хорошо как по сто рублей в сезон платят.

— А ты на иных не смотри. По моим прикидкам, у тебя народу-то будет десятка два вместе с охраной. А это раз в пять меньше, чем на иных приисках. Сколько сезон длится? С начала мая по конец сентября? Получается пять месяцев. Так что на круг по жалованью выйдет даже меньше, чем у других, а выработка в разы больше. Правда, частично экономию по жалованью сожрут машины, но далеко не всю. Нужно обязательно озаботиться запасными частями.

— Так новое же все. Чему там ломаться? — не согласился Завьялов.

— Не экономь, Игнат Пантелеевич. Лучше пусть будет и не понадобится, чем понадобится и не окажется под рукой. Оттуда прокатиться до Красноярска — не один день нужен. Да найти все погребное. Минимум неделя вылетит. Ну и сколько ты потеряешь на простое? То-то и оно, что много больше, чем те запчасти стоят. Тем более что рано или поздно они все одно понадобятся.

— Я тебя понял. А какие именно запчасти-то брать? С Митрием твоим посоветоваться?

— Нет. Молод он, и опыта никакого. Тут бы лучше с заведующим мастерскими. С Павлом Игнатьевичем. К тому же твой зять с ним в хороших отношениях.

— Да я и сам его неплохо знаю. Добро. Все понял.

Окончив разговор, Петр быстро набросал список необходимого. Много времени это не заняло, благо список этот у него уже давно в голове сложился, все обдуманно-передумано не раз и не два. И с Митей обговаривалось неоднократно. Завьялову ни о чем беспокоиться и думать не надо. Только и того, что закупать все строго по списку.

Петр и адвокат закончили писать одновременно. Пастухов отдал свой лист купцу, сам же, быстренько пробежавшись взглядом по договору о розыске, сразу его подписал. Не собиравшись он прощать того, кто его подставил. Если Василия худо-бедно еще мог понять, то эту сволочь непременно хотел достать.

— Петр Викторович, у вас есть предпочтения по поводу места ссылки? Не думаю, что судья захочет с вами встречаться. Все решится завтра же, при подаче отказа.

— По возможности поближе к Красноярску. К примеру, в район строительства Транссиба. Я ведь по образованию машинист-механик. Глядишь, окажусь при деле. Сидеть просто так в глуши — занятие не из приятных.

— Ну, я примерно так себе и представлял. Что-нибудь еще?

— Да. Пусть сыщик начнет с окружения барышни Александры. Завидная партия, а между ней и Ростоцким вроде как была симпатия. Во всяком случае, мне показалось именно так.

— Я вас понял, Петр Викторович...

С Завьяловым Аркадий Петрович расстался сразу по выходе из здания тюрьмы. Потому

как общих дел у них, по сути, и не осталось. Означенную сумму в тысячу рублей купец уплатил сразу же. Отправляясь в тюрьму, Игнат Пантелеевич решил прихватить с собой пару тысяч на всякий непредвиденный случай. Мало ли что могло потребоваться Пастухову. Правда, от большой суммы тот открестился, но две сотни десятирублевыми купюрами все же принял. Деньги они нигде лишними не будут, даже в тайге. Потому как даже там живут люди.

Купец с комфортом разместился в теплом салоне ожидавшего его такси, подивившись тому, что адвокат предпочел добираться от «Крестов» в центр на извозчике. К чему морозиться, если можно доехать с комфортом? И потом, в отличие от саней в авто куда свободнее. Но настаивать Завьялов не стал. Слава богу, стараниями Петра у него теперь хватало забот.

Аркадий Петрович же только поежился от ветра, задувавшего с все еще покрытой льдом Невы, и направился к извозчику. Все же для поездки сюда надо было нанять свое такси, а не принимать любезное приглашение купца. Конечно, с учетом того, что водителю пришлось ожидать больше часа, экономия вышла заметная. За простой идет двойной тариф, чтобы особо ушлые клиенты не соблазнились арендой авто на длительный срок. Но зато теперь придется изрядно померзнуть.

Человек вообще к хорошему привыкает быстро. Вот и Аркадий Петрович уже отвык пользоваться услугами извозчиков. Пусть такси и дороже, но он может себе это позволить. И потом на авто получается куда как быстрее. Его можно вызвать по нужному адресу, был бы только телефон, чтобы связаться с диспетчерской. Наконец, летом не пыльно, а зимой тепло.

Так, прикидывая выгоды новинки и поминая свою непредусмотрительность, адвокат дошел до небольшой биржи извозчиков, располагавшейся неподалеку от тюрьмы. Те пока все еще оставались актуальными, но их время постепенно уходило в прошлое.

Поморозив нос, адвокат добрался до одного из доходных домов на Моховой. Ничего особенного, самый обычный многоэтажный дом со съемными квартирами. Причем для лиц со средним доходом. Тут квартировали инженеры, чиновники, поэты, композиторы. А вот более представительная публика отсутствовала.

Пройдя через колодец двора, Аркадий Петрович вошел в один из подъездов и поднялся на второй этаж. Два раза крутнул механический звонок одной из четырех дверей на площадке. Та отворилась практически сразу, словно его тут поджидали. Впрочем, и впрямь поджидали. Открывший дверь высмотрел гостя еще в окно.

Статный мужчина, в котором за версту можно было безошибочно опознать шпака. Сиречь лицо гражданское. Он любезно пригласил адвоката в квартиру, лично приняв у него пальто. Затем они прошли в гостиную, где гостю предложили чай. Обжигающий напиток с мороза был совсем даже не лишним.

— Ну как все прошло, Аркадий Петрович? — едва адвокат блаженно вздохнул после первого глотка, поинтересовался хозяин.

— Даже лучше, чем мы ожидали, господин капитан.

— Отчего же вы тогда так задержались?

— Ну, вам уже известно, моего клиента содержали в карцере. Дальше сказала обычная нерасторопность работников тюрьмы. Вот и все.

— Итак?

— Клиент подписал отказ от апелляции, и завтра я с ним отправлюсь к судье. Более того, его не пришлось ни в чем убеждать и ни к чему подталкивать. Как я и ожидал, он и сам изъявил желание отбывать ссылку в нужном вам регионе, а уж по месту можете

определиться сами.

— Превосходно. Но отчего вы отправитесь к судье только завтра?

— Сугубо коммерческая необходимость. Дабы избежать нежелательных коллизий в передаче права аренды золотиносного участка другому лицу.

— Опасаетесь вашего брата крючкотвора?

— Не привык считать себя самым умным. Конечно, разница даже в один час имеет значение. Но я все же предпочитаю иметь возможность для маневра.

— Ну, тут вам карты в руки. Главное, что все сложилось так, как надо. Если только не возникнет необходимость моего вмешательства в процесс. Признаться, привлекать посторонних лиц в подобных делах крайне нежелательно.

— Не думаю, что тут возникнут сложности. Судье, по сути, никакой разницы, согласится на любое место ссылки, которое я укажу. Его ведь волнует лишь одно — отсутствие апелляции, что положительным образом сказывается на его репутации. Разве что конкретное поселение.

— Слюдянка. Это на южном берегу Байкала.

— Надеюсь, там имеются ссыльнопоселенцы.

— Там располагаются два участка Управления по строительству Кругобайкальской железной дороги, строятся депо. В округе располагаются четыре каторги, и ссыльнопоселенцев более чем достаточно. Туда в первую очередь отправляют всех осужденных мастеровых, машинистов и механиков.

— Тогда можете считать, что он уже в списках ссыльнопоселенцев Слюдянки.

— Вот и замечательно.

— Да. Тут есть еще один момент, — спохватился адвокат.

— Слушаю вас, — подобрался капитан.

— Дело в том, что Пастухов заключил со мной договор на производство сыска убийцы Ростоцкого.

— То есть как это? — искренне удивился капитан.

— Он же утверждает, что не убивал его, вот и...

— И вы верите в то, что он ни при чем?

— Ну-у, в свете последних событий я уже ни в чем не уверен. Но возможно... В конце концов, он уплатил аванс в тысячу рублей и заверил, что это не предел, все зависит от результатов. Он, конечно, человек при деньгах, да и половину прибыли от прииска сумел сохранить. Но сумма все одно серьезная. Поэтому я склонен думать, что он верит в свою непричастность к смерти Ростоцкого.

— Ага. Любопытно.

— Значит, вас это дело заинтересовало и вы берете его под свой контроль?

— Что?

— Ну вы сказали, что это любопытно.

— Но не настолько, чтобы впрягаться в расследование уголовного преступления. Мы поступим следующим образом. Наймете вы частного сыщика или еще какими путями будете распутывать эту головоломку, меня волнует мало. Но о результатах, прежде чем извещать вашего клиента, вы проинформируете вашего куратора. Тем более что он будет находиться гораздо ближе. Аркадий Петрович, просто помните о том, что вы исполняете свой долг перед Родиной, — заметив в собеседнике легкую заминку, подбодрил его капитан. — Ну и исправляете некое незначительное недоразумение, случившееся в один из холодных

февралей.

— Чтоб ему пусто было, тому февралю, и не только, — едва не скрипнул зубами адвокат.

— Ну-ну. Полноте. Не так уж и обременителен ваш гражданский долг.

— Разумеется.

— Вот и замечательно. За сим не смею вас задерживать.

— Простите, Клим Сергеевич, а у вас тут, случайно, телефона нет? Хочу вызвать такси.

А то, знаете ли, эти извозчики...

— Понимаю. К хорошему привыкаешь быстро. Разумеется. Я сейчас вызову.

В Петрограде имелось шесть диспетчерских, куда стекались все авто такси, если клиенты не перехватывали их по пути. Были, конечно, у таксистов и свои хлебные места. Ну, к примеру, тот же аэровокзал с причальной башней для дирижаблей. Но водители были обязаны за день выполнить минимум по четыре диспетчерских заказа, о чем делались соответствующие отметки в путевых листах. Так что с вызовом авто через диспетчера проблем никогда не было.

Задорный девичий голос пообещал, что авто подъедет буквально через десять минут. В общем-то неудивительно, конспиративная квартира контрразведки Генерального штаба располагалась неподалеку от центра. Ну и от одной из диспетчерских такси.

Кстати, в городе вот-вот должна была заработать еще одна станция такси. И это хорошо. Конкуренция в этом деле совсем не будет лишней. От этого выгода будет всем. И в первую очередь пассажирам, потому что не позволит станциям такси заплыть жиром.

Проводив адвоката, Клим Сергеевич присел за стол и вновь наполнил чашку чаем. Он уже давно должен был отбыть на строительство Кругобайкальской железной дороги для осуществления прикрытия по своему ведомству. В настоящий момент этот участок оставался оголенным ввиду отсутствия начальника управления. Прежний погиб в результате нападения бандитов. Что в тех местах случалось вовсе даже не редко.

Но как только ему стало известно о том, что в столице возбуждено уголовное дело в отношении некоего Пастухова, как он тут же насторожился. Проверка по линии контрразведки подтвердила его предположения. Это был тот самый Пастухов, который его интересовал.

Конечно, странностей в его облике хватало. Человек без роду без племени, обладающий прямо-таки даром оказываться там, где не следует, но непременно оборачивать все к своей пользе. Прямо везунчик какой-то. К тому же с головой. Окончить экстерном железнодорожное училище — это не всякому дано. Да еще и помимо училища он имел кое-какое самообразование.

Нет, землю русскую не удивить людьми, родства не помнящими. И уж тем более после такой войны. И самородки где только не случаются. Да и везунчиков на свете хватает. Но этот заинтересовал Клим Сергеевича тем, что год назад убил японского лейтенанта по фамилии Такахаси. Младшего брата майора Такахаси.

Именно этот японский офицер и должен был стать главным противником капитана Клюева. То, что сейчас между Японией и Россией мир, ничего не означает. Война продолжается, пусть она и пребывает в холодной стадии. Впрочем, кровь там льется вполне реальная, как японская, так и русская. Хм. Да и не только их.

Так вот, Клюев рассчитывал использовать Пастухова как живца, чтобы выманить майора Такахаси. Он не без оснований полагал, что японец захочет посчитаться с убийцей своего брата. Правда, посвящать в свои замыслы Пастухова капитан не собирался, решив

использовать его втемную. Переиграть такого человека, как майор, было крайне сложно. Его скромное звание ни о чем не говорило. Неуживчивый с начальством, своевольный и решительный человек. Не очень хорошие качества для успешной карьеры.

Но его ценили, отправляя на важные участки. И, несмотря на всего лишь майорский чин, Тахакаси был непростительно информированным офицером. Ключев хотел его заполучить. Чего бы это ни стоило. А для этого его нужно выманить.

Н-да. Непросто ему придется. Ведь нужно будет сделать все возможное, чтобы этот Пастухов дразнил майора, но не загнулся раньше времени. Ну и нельзя допустить его пленения. А то эдак уволокут его за кордон, иди потом, справляйся с ситуацией.

Глава 2

СТРАННЫЙ НЕМЕЦ

Поезд медленно подбирался к станции, и вагоны то и дело трясло на стрелках. Петр взглянул через окно на унылый зимний пейзаж. Где в другом месте тот непременно радовал бы глаз, даже в зимнюю пору. Но то на вольном ветру. А вот здесь, в окрестностях станции, глаз ничто не радовало. Снегопадов не было уже давно, поэтому повсюду видны грязные пятна, от черных до желтых. Нередки проплешины голой смерзшейся земли, образовавшиеся в результате сброса пара или слива воды из котлов. Штабеля поленьев вдоль рельсовых полотен, угольные склады, по большей части представляющие собой обычные кучи.

Вагонное депо с суetyающимися рабочими, маневровые паровозы, толкающие вагоны. Пакгаузы с все теми же вагонами, стоящими то ли под разгрузкой, то ли под погрузкой. Словом, обычная картина крупного железнодорожного узла со всей его неприглядностью. Впрочем, это хорошо и свидетельствует о движении прогресса вперед. И подобное наблюдается повсюду, не только в России или в Сибири.

А вот в окнах с другой стороны картина резко отличается. Там раскинулись заснеженные берега Ангары. Все белым-бело, чисто и пригоже. Разве что поражает сама река. Нет, то, что могучий поток завораживает сам по себе, это понятно. Удивляет то простое обстоятельство, что этот самый поток виден.

Петр поначалу даже не поверил, что подобное возможно. Но эта сибирская река не перемерзала. Так. Есть что-то у берегов. Оно, конечно, вроде и немало, но на фоне реки слишком уж несерьезно. Ледовый панцирь от обоих берегов не покрывает даже четверти ширины потока. И это здесь, где даже сейчас, в марте, температура воздуха ниже десяти градусов.

На противоположном берегу дымит губернский город Иркутск. Н-да. Блеска особого нет. Не сказать, что вид города радует глаз. Но это опять же смотря с чем сравнивать. Если, к примеру, с городами из мира Петра, то оно и бедненько, и убогонько, и блекло. Но, исходя из современных реалий, Иркутск очень даже на уровне.

Даже отсюда, из проезжающего вагона, видно, что город активно застраивается и разрастается. Железнодорожное сообщение с центром страны сказалось на его развитии самым благоприятным образом. И дальше будет только больше. Хм. Разумеется, при разумном подходе к данному региону. Петр не очень разбирался в данном вопросе, но, насколько он помнил, в его мире дела в Сибири обстояли не самым лучшим образом.

Наконец раздался последний свисток паровоза, и вслед за этим — перестук буферов. Вагон вздрогнул, останавливаясь, слегка подался назад и замер. Прибыли. Станция «Иркутск». Пастухов поднялся, надел полушубок, подхватил чемодан, чехол с оружием, к которому были прикреплены лыжи, и направился на выход. Да и конвоиры покрикивают, торопят.

С одной стороны, оно вроде как особо спешить и незачем. Поезд простоит в Иркутске минут двадцать. Все же губернский город и для многих — конечная станция. Но поторопиться стоило. Для них путешествие по железной дороге закончилось. Дальше придется добираться, как бог положит. Или, если быть более точным. — то как местное начальство.

Так вот, за время стоянки должны не только сойти прежние пассажиры, но и успеть занять свои места — новые. Ведь кому-то нужно двигаться и на восток, кому дальше, кому ближе. Жизнь — она не стоит на месте. А для того чтобы она стала проще, и налаживается железнодорожное сообщение.

Нынешнюю партию ссыльных перевозили в обычном вагоне третьего класса, как простых пассажиров. Разве что два десятка осужденных сопровождали четверо конвоиров и покидать вагон строжайше запрещалось. Если только не сговоришься с конвоиром, который согласится тебя сопровождать. А так самая обычная поездка.

Петр прошел мимо конвоира, стоявшего сбоку прохода и покрикивавшего на ссыльных. Без злобы, а скорее где-то даже с укоризной, взывая к совестливости. Правда, на одного из ссыльных конвоир все же и зыркнул, и гаркнул, помянув по матушке. Помогло. Молодой человек сначала растерялся, но потом подхватился и рванул с низкого старта, увлекая за собой пожитки.

Больше половины ссыльных были политическими, как правило, из числа рабочих. Петр предполагал, что основная их масса оказалась здесь из-за хронического некомплекта стройки государственной важности: не хватало подготовленных кадров.

Вторая часть довольно разношерстная. Тут и трое чиновников, бог весть чем не угодивших начальству. С одной стороны, вроде как растратчики, с другой — отправлены в ссылку не по суду, а через министерство внутренних дел. Скорее всего, забыли о том, что боженька велел делиться. Купеческий отпрыск, по пьяной лавочке набивший морду не тому, кому следовало. Молодой герой-любовник, перешедший дорогу какому-то влиятельному лицу. К его обиде, он и сам не знал кому. Репортер, гонявшийся за сенсацией и, похоже, ухвативший ее на свою голову.

Были и двое студентов, отчисленных из университета за тягу к знаниям. Ребятки решили доказать товарищам и себе любимым, что сумеют изготовить динамит на манер жюль-верновского инженера Сайреса Смита из «Таинственного острова». Иными словами, из подручных или, если точнее, из подножных средств. И надо сказать, весьма преуспели в этом.

Им еще повезло, что отделались так легко. К террористам в России отношение особое. Здесь нет смертной казни, только каторга на различные сроки или ссылка, которая может быть и пожизненной. И лишь террористы и заговорщики могут удостоиться смертной казни через повешение.

Из всей партии ссыльных за реальное уголовное преступление, предусмотренное уголовным уложением, осужден был только он, Петр. Вот такие пироги с котятами и выверты правовой системы Российской империи. Аркадий Петрович и впрямь умудрился превзойти самого себя, пусть ему и не удалось отстоять невиновность клиента. Если суды и приговаривали к ссылке, то в подавляющей массе это были политические осужденные. И яркое тому подтверждение — их партия.

Перрон встретил Петра морозной свежестью, десятком конвоиров и парой десятков разномастных пассажиров, в нетерпении ожидавших начала посадки в вагон. Петр отметил для себя, что большинство тех, кто готовился к посадке, — крестьяне и рабочие. И впрямь железная дорога приносила в эти края оживление.

Побывать в Иркутске, раскинувшемся на правом берегу Ангары, Петру так и не довелось. Едва выгрузившись из вагонов и определив пожитки на сани, с которыми арестантов встречали местные представители конвойной стражи, их препроводили на этап.

□ Петру уже доводилось слышать о том, что этапы по сути своей были придорожными тюрьмами. Причем плохо приспособленными для содержания арестантов.

Впрочем, им повезло. Постройка оказалась новой, и не просто с крепкими стенами и решетками, но и с хорошо сложенной печью. Не сказать, что в помещении было жарко, но вполне тепло. Хотя, конечно, антисанитария полная. Петр откровенно опасался подхватить тут каких-нибудь жильцов. Уж больно все выглядело непрезентабельно.

Впрочем, чему удивляться, если это обычный перевалочный пункт каторжан. Отдельные сооружения под ссыльных никто строить не собирался. Единственное отличие — их не запирали по камерам, хотя охрана в лице двух вооруженных конвойных присутствовала.

— Уважаемый, как к вам обращаться? — поинтересовался Петр у одного из новых конвойных.

Старая команда передала ссыльных местным и сейчас отдыхала в ожидании обратной партии, из лиц, уже отбывших наказание. Угу. Тут никаких порожных прогонов быть не может. Опять же на обратном пути той строгости, что по пути на каторгу, нет, тут и небольшая команда, до того сопровождавшая ссыльных, управится.

— Называй Петровичем, — степенно ответил унтер, огладив усы.

— Надолго мы тут застряли?

— Спесишь?

— Да уж лучше бы поскорее оказаться на месте и определиться с жильем, чем в этих хоромах прохлаждаться.

— Завтра за вами пришлют грузовики, и поедем с богом.

— Грузовики?

— Ну да. Вы же все на жительство в Слюдянку. А тамошнее начальство всякий раз набрасывается на команды ссыльных, как голодный на краюху хлеба. Среди вас ведь много образованных и мастеровых всяких, в которых на строительстве чугулки постоянный недостаток. В Слюдянку уже ушла телеграмма о вас. Так что не сомневайся, поутру два грузовика будут здесь. Вот каторжанам — тем да, приходится пешочком добираться. Ну и нам грешным.

— Ясно. Значит, ночевать здесь придется в любом случае.

— Это точно.

— А вы-то чего тут сидите?

— Служба, — неопределенно пожав плечами, ответил унтер.

— А ничего, что больше половины из нас имеют оружие?

— Эка невидаль. Среди ссыльных это не редкость.

— Ну и каково это — охранять вооруженных?

— А нормально. Мы ведь при вас, чтобы вы не забывали о том, что ссыльные и воли полной у вас нет. Опять же оружие-то вы, конечно, имеете, но вот захотите ли доводить до греха и менять ссылку на каторгу?

— Это точно, не захотим.

— То-то и оно.

— Петрович, а как бы организовать чистое место, а? Нет желания обзавестись соседями.

Петр никогда не то что не имел дел со вшами, но даже ни разу в жизни их не видел, только слышал. Но это вовсе не означало, что он готов к знакомству. Сумел этого избежать даже в «Крестах», и хотелось бы отложить такое знакомство на неопределенное время. Да

хоть бы вообще не знать.

— Это да. Соседей тут подхватить проще простого, — огладив усы, согласился унтер. — Но если подумать, то можно что-нибудь устроить.

— И тоже за отдельную плату?

— Ну это как водится.

— Дорого?

— Тридцать рублей.

— За сутки?! — возмутился Петр.

— Отчего же за сутки? Пока вас не заберут. А мало ли как оно все обернется, поломка или какая иная напасть. Вас-то ждут с нетерпением, но чего только в жизни не случается, — все так же степенно ответил Петрович.

— Это да. Жизнь, она полна неожиданностей, — вынужден был признать Петр. — А что хоть входит в эти тридцать рублей?

— Отдельные конвоиры, изба, теплая и чистая. По желанию можно и баньку истопить. Невелик труд. Ну и домашние харчи.

— А давай, — решил согласиться Петр.

Конечно, плата непомерная. Тем более если получится, что уплатил только за один день. Но с другой стороны... Пошло оно все к нехорошей маме. Сегодня пожалеешь три червонца, завтра придется бороться с паразитами.

— Компаньонов себе брать не будешь? — поинтересовался конвоир.

Петр бросил взгляд через плечо, осматривая ссыльных, уныло сбившихся в проходе и на скамьях вокруг печи. За все время пути он ни с кем так и не сблизился. Разве что с двумя студентиками. С ними было вполне интересно пообщаться на различные фантастические темы. А то как же, любители Жюль Верна. Вот только с деньгами у них было откровенно плохо. Купчина — тот при деньгах, но они не сошлись характерами, как и с неудачливым героем-любовником. Взятчники-казнокрады Петру всегда были противны. Что же до политических, так они, хоть и рабочие, со своими разговорами о переустройстве России ему уже поперек глотки.

— Вон тех двоих, что сидят особнячком, — указал Петр на студентов.

— Все?

— До остальных мне дела нет.

— Как скажешь. Сейчас Егорка сбегает, все организует, и через полчаса мы вас заберем.

Урядник не обманул. Все и впрямь было весьма пригоже. Даже студенты остались довольны. Это к тому, что ребята были из вполне приличных мещанских семей и крестьянская изба для них несколько непривычна. Впрочем, после того убожества, что собой представлял этап, помещение и впрямь выглядело комфортно.

Всех троих определили в одну из изб неподалеку от этапа. Окна закрыты глухими ставнями. И если обычные запираются изнутри, то эти были заперты снаружи. Так сказать, от греха подальше. По этой же причине двое конвоиров были при них неотлучно. В баню, правда, не ходили, охраняли за дверью. Но не забалуешь. Впрочем, это скорее для соблюдения буквы закона, не более.

Кстати, в избе вполне могли расположиться и десять человек, деревянных коек было вполне достаточно. И скорее всего, плата в тридцать рублей была рассчитана именно на такое количество народу. А это по трешке с человека. Если так, то получается не так уж и

дорого. Хотя все одно изрядно. Скажем, номер в гостинице «Астория» стоил два рубля пятьдесят копеек, пусть и без стола. Возможно, унтер решил слегка промариновать ссыльных, чтобы потом сделать свое предложение, но Петр его опередил.

Нормальная в общем-то практика. А отчего, собственно говоря, не подработать, коль скоро не во вред службе? Егорка даже предложил воспользоваться услугами продажной любви, коль скоро есть такое желание. Наверняка и оттуда ему капнуло бы. А что? Здесь девочки наверняка работают не по обычным тарифам. Минимум вдвое цену задрали бы.

Вот только Петр к продажной любви относился сугубо отрицательно, а оплачивать эротические фантазии молодых компаньонов не собирался. Да и денег у него оставалось не так чтобы много. Кто его знает, как оно там в Слюдянке с банком. Скорее всего никак.

Грузовики пришли к десяти утра. Как пояснил Егор, от Иркутска до Слюдянки порядка ста двадцати верст. Это с учетом всех объездов и вывертов. Уж больно местность изрезана. Если судить по карте, то по прямой минимум на треть короче выйдет. Даже с учетом зимней дороги и того, что порой придется карабкаться и по серпантинам, до места добраться можно максимум затри часа.

Так что времени с избытком не только на дорогу, их еще и там встретить и разместить успеют. Это сообщил Отто Кессених, немец, инженер, прибывший на стройку из Германии. Немного полноват, но достаточно воинственного вида, с маузером, болтающимся на боку в деревянной кобуре. Ну популярна эта игрушка среди местных путешественников и иже с ними!

Объявив, что выезд назначается ровно через час, Отто умчался на одном из грузовиков на станцию. Машин пришло три, и, судя по всему, одна из них предназначалась для прибывшего груза. А вот две отводились под перевозку ссыльных.

Эти машины Петру пока еще не встречались. Уже достаточно привычная квадратная кабина а-ля ГАЗ-66, до КАМАЗа явно не дотягивает. Из кабины над крышей торчит труба, котел внутри. Оно бы водителю не помешал кочегар, но таковой не предусмотрен, так что все самому. Машина топилась углем, находившимся в коробе у задней стенки. На морде кабины славянской вязью выведено название «Муромец».

Исполнение внедорожное, с зубатыми покрывками. Кузов деревянный, вроде зилковского, но, похоже, повместительней. В него без труда поместились бы и конвоиры, и их подопечные. Правда, с багажом пришлось бы туговато. Все же ссыльные не каторжане, и пожитки некоторых в один чемодан не умещались. К примеру, у Петра, помимо объемного чемодана, еще есть чехол с оружием и лыжи.

Не могли в Слюдянке не знать, сколько прибыло каторжан. И все же грузовики прислали с запасом, так чтобы везти людей с максимальным удобством. Мало того, автомобили явно предназначены для перевозки грузов, но кузов укрыт тентом на высоких дугах, что в мороз вовсе не будет лишним. От подобной предусмотрительности веяло тем, что и с размещением руководство строительного управления не оплошает. Хотя бы на первое время, пока ссыльные не определятся с постоем.

Однако эта же забота говорила и о том, что, если кто-то наподобие купеческого сына надеялся не работать, проживая на присылаемые средства, ничего-то у него не получится. Их ждали, и для каждого найдется занятие. Подумаешь, купеческий сын. Не крестьянин же, не просто обучен грамоте, но и какое-никакое образование имеет, а такой и специальностью куда быстрее овладеет.

Хм. Вообще-то в планы Петра входило сначала осмотреться, потолкаться, основательно

обустроить. А там, глядишь, договориться с приставом да скататься до Красноярска. Если самолетом, то в пару-тройку дней можно уложиться. А то и на больший срок отпроситься, помочь Завьялову с обустройством прииска. В России он, в конце концов, или где? Все вопросы решаются. Все зависит от цены.

Но, похоже, железнодорожное начальство будет категорически против подобной постановки вопроса. Нет, с русскими договориться всегда можно. А вот что касается немцев... Н-да. Если Пастухова распределят к начальнику немцу, станет совсем кисло. Это же живые машины, действующие в соответствии с определенным регламентом.

Немец сказал — немец сделал. Ровно через час, ни минутой позже, колонна из трех грузовиков выехала со двора. То ли этот инженер слишком мало времени провел в России, чтобы обрусеть. То ли в принципе не поддавался перевоспитанию. Но факт остается фактом.

Едва только тронулись, как Петр извлек из чехла свой винчестер. Митя, предупрежденный заранее, вместе с Завьяловым встретил Пастухова на вокзале, передав ему как оружие, так и лыжи. Кстати, с алюминиевыми палками. Это купец присовокупил от себя. Вместе с изрядным запасом боеприпасов, словно на войну провожал. Словом, специально под это дело пошитый чехол оказался довольно увесистым.

— Ты что делаешь? — едва заметив действия ссыльного, вскинулся Егор, еще и винтовку поудобнее перехватил. — Не положено.

— Эх, друг Егор, если бы я делал только то, что положено, меня уже давно черви сожрали бы, — надевая на себя сбрую, покачал головой Петр.

— Есть порядок, и не тебе его рушить, — стрельнув взглядом на старшего товарища, продолжал наседать конвойный.

— Ничего я рушить не собираюсь. Но места тут лихие, каторжане сбиваются в разбойничьи ватаги. Буряты, эвенки да монголы шалят. Или скажешь, что у вас тут все благостно? Видать, от этого немец с маузером бегаёт, а у шоферов в кабинах если не карабин, так дробовик.

— Оставь его, Егор, — положив руку на плечо молодому, произнес унтер.

Похоже, сообразил, что Петр от своего решения не отступится. Обострять не хотелось. Опять же, места тут и впрямь развеселые, всякое случается. Но и просто так подобное своеволие оставить нельзя. Как там говорится? Если начальник неспособен предотвратить пьянку...

— Ну что так смотрите, господа ссыльные поселенцы? Прав он. Лихого народца тут хватает. Не факт, что мы кого-то повстречаем, но все может быть. Так что кто чувствует в себе силы, доставайте свое оружие. Кто не уверен, лучше за него не беритесь, не то еще бед наделаете. Если же случится стрельба, просто падайте на пол и ждите, пока все не закончится.

Ссыльные переглянулись, будто спрашивая друг друга, правда это или так, местный стеб. О том, что Пастухов практически местный, им было известно. Как и о том, что ему доводилось отстаивать свою жизнь с оружием в руках. Дорога дальняя, скука смертная, вагон тесен, а он из своего разговора со студентами секрета не делал. Хотя сколько в тех рассказах правды, а сколько вымысла, непонятно.

Купеческий сынок, у которого имелось дорогое трехствольное ружье, ухмыльнулся, поерзал, устраиваясь поудобнее, и спрятал лицо в меховом воротнике. Еще двое, имевшие ружья, решили последовать его примеру. В смысле так и не потянулись к оружию, предпочтя сосредоточиться на сбережении тепла. Тент — это, конечно, хорошо, но все одно задувает, а

на улице мороз ниже десяти градусов. Не сахар.

Они уже проехали большую часть пути до села Моты, где располагался один из двух промежуточных этапов, когда колонна вдруг остановилась. Петр половчее перехватил винчестер, поерзал и едва удержался от желания выглянуть наружу, откуда слышались какие-то возбужденные голоса. Слов не разобрать, зато понятно, что один из голосов принадлежит подростку или даже ребенку.

— Петрович, не обессудь, но я гляну, что там, — неопределенно пожав плечами, произнес Петр.

— Вместе глянем. Егор, сиди тут. Пошли уже, любопытный.

Пастухов не ошибся. Возле головной машины стояли трое шоферов и немец-инженер, рядом с которыми обнаружился возбужденно жестикулирующий руками малец лет десяти.

— Что тут у вас, господин инженер? — поинтересовался Петрович, едва они подошли.

— Этот мальчик говорит, что на них напали бандиты, — с характерным акцентом ответил немец.

— Где? Когда? Конкретно что случилось? — тут же вклинился Петр.

— Не части, купец, — осадил его унтер.

— Я... Это... Мы... Мамка... А я... — Малец от нетерпения притопывал на месте и смотрел на взрослых так, словно хотел сказать: «Я же вам уже все рассказал, что же вы, мужики?!»

— Они с утра из Иркутска выехали. Распродались на базаре да гостинцев накупили, — похлопав мальчишку по плечу и прижав к себе, начал пояснять шофер первой машины. — А здесь на них напали бандиты. Отца пристрелили, мамку схватили. А мальчика она успела выбросить под откос. — Мужик кивнул головой в сторону крутого склона, начинавшегося сразу за обочиной дороги. — То ли бандиты не заметили его, то ли не стали гоняться. Он как раз выбрался на дорогу, когда мы появились.

— А ты откуда знаешь, что папку убили? — глядя на мальчишку, спросил Петр.

— Так он там, под кручей лежит, тати выбросили, — утерев нос рукавом полушубка и кивнув туда, откуда вылез сам, пояснил малец.

Н-да-а. Крепок парнишка, ничего не скажешь. Не каждому дано, видя труп своего отца, не растеряться. Ведь мог заголосить прямо там, и не оставили бы его в живых бандиты. Это только кажется, что здесь бескрайний простор. На деле путей на этом просторе не так чтобы и много, так что свидетель им без надобности. Вот если бы был снегопад, тогда еще туда-сюда. А так... Нет, точно без надобности.

— И что будем делать, Петрович? — взглянул на унтера Петр.

— Ты на меня не зыркай. Мое дело вас сопроводить в Слюдянку, а не за бандитами по тайге шастать. На то есть казачьи охотничьи команды да полиция. Каждый должен заниматься своим делом.

— Ясно.

— Дяденька, дяденька, тятку достать надо, — подергав единственного, кто вроде как собирался хоть что-то сделать, едва не хныча, попросил паренек.

— Ну что, Петрович? — Петр посмотрел на унтера.

— Да ничего. Сейчас вытащим мужика, жив он там или мертв, разберемся по ходу. Доведем их до села, тут уж недалече. А там мужики поднимутся и покажут этим убогим, почем фунт лиха.

— А мы, значит, так, погулять вышли? — недовольно поведя плечами, едва не выплюнул

Петр.

— Не заводись. В Мотах каждый мужик из охотников, не чета нам. Живо все распутаю, — степенно возразил унтер.

— Угу. Пока мы доедем, пока там в набат ударят. Пока соберутся. Да сюда еще добираться нужно. Сколько до Мотов?

— Верст двенадцать, — подал голос шофер.

— То есть часа три пройдет, не меньше. Да после нападения уже прошло сколько-то. А там еще и снегопад зарядит. Вон как небо затянуло.

— Чем меньше будем тут разговоры разговаривать, тем быстрее мужики соберутся, — отрезал урядник.

— Да, это так. Каждый должен делать свое дело. Нас ожидают в Слюдянке, и мы должны направляться туда, — подал голос инженер. — Но чтобы помощь прибыла быстрее, в Мотах я выделю грузовик. Он обернется достаточно быстро, и мы прибудем на место еще до наступления темноты.

Тем временем урядник уже вовсю раздавал команды ссыльным. Нужно было доставать мужика, жив он там или мертв. Хотел было привлечь к этому делу и Пастухова, но тот упрямо покачал головой, ясно давая понять, что для этого у Петровича народу более чем достаточно.

Сам же Пастухов, пока суд да дело, решил осмотреться вокруг. И надо сказать, не безрезультатно. Буквально в сотне шагов от головного грузовика он обнаружил съезд с дороги. Весьма необычный съезд, хотя бы потому, что кто-то заметал следы с помощью лапника. Вот они, следы от полозьев саней по дороге, сворачивают на целину, а вот их кто-то усиленно заметал. Чтобы понять это, не нужно быть умудренным опытом охотником. Все и без того ясно. И коль скоро это рядом с местом нападения, то и талантов Шерлока Холмса не требуется, чтобы увязать одно с другим.

Остается только один вопрос. А нужно ли это ему? Ведь унтер по-своему прав. Погоня может затянуться не на час и не на два. Он незнаком с этой местностью. А местные охотники и впрямь справятся с этим куда как лучше.

Впрочем, думал Петр недолго. Нужно ли ему это? А вот нужно. Там, в родном мире, он, может, и прошел бы мимо, не желая ввязываться. А здесь и сейчас — не мог. Возможно, в нем что-то переключилось, когда он оказался в этом, с одной стороны, знакомом, с другой — неведомом мире. Может, просто бурлила жажда деятельности или он подсел на адреналин. А то и просто обрыдло все время быть взаперти и под надзором, захотелось воли и простора. Или же всему виной чувство, что если вот сейчас пройдет мимо, то по гроб жизни не простит себе этого.

— Ты что делаешь? — подойдя к нему, спросил унтер.

— А ты не видишь? — пристегнув на груди кобуру с маузером и берясь за лыжи, вопросом на вопрос ответил Петр.

— Я могу расценить это как побег.

— Брось, Петрович. Какой, к ляду, побег.

— Да самый обыкновенный.

— Ну тогда стрельни мне в спину, и вся недолга. Ты со мной?

— Дурак? Да мы даже не знаем, сколько их.

— Если судить по следам на засидках — четверо. Впрочем, я не охотник и разбираюсь в этом не больше чем свинья в апельсинах, — пожал плечами Петр.

— А ты не подумал, что в логове их может оказаться куда больше? Не дури, купец. Местные мужики со всем разберутся. Немец обещался подбросить их на машине. Так что быстро обернутся.

— Но не быстрее меня, — возразил Петр.

— Слушай...

— Это ты послушай. Они бабу с собой увели, и что с ней за это время случится, одному только богу известно, — в сердцах выпалил Петр.

— Что с ней будет, я тебе и так скажу, — спокойно возразил унтер. — С нее не убудет. А там и с обидчиков спросят.

— А если они ее кончат?

— Не твое это дело.

— Теперь мое, — покачав головой, возразил Петр.

— Мужчина жив. Замерз сильно, потерял много крови, но еще жив, — сообщил подошедший немец. — Нужно срочно выезжать в Моты. А лучше прямо в Слюдянку, там есть больница и хороший врач.

— Слышал? — глянув на Петра, произнес унтер.

— Так и выезжайте, — отмахнулся тот.

— Не пойму, ты дурак или герой?

— Наверное, все же дурак. Ладно, Петрович, пойду я.

— А вы куда собрались? — переводя непонимающий взгляд с одного на другого, поинтересовался немец у Петра.

— Туда, — кивнул на стену леса тот.

— Вы сумасшедший?

— Еще один. Езжайте уже, Отто Рудольфович, — отмахнулся Петр.

— Погодите. Так вы что же, один пойдете? — не унимался инженер.

— Больше желающих не нашлось.

— Шайзе, ^[2] — окинув взглядом Петра, в сердцах произнес немец.

Потом отвернулся и быстрым шагом направился к головной машине. Не придав этому особого значения, Петр проверил крепление лыж и тронулся по направлению к обнаруженному съезду. Однако доехал он только до головной машины, где был остановлен инженером, наскоро раздающим указания протестующим шоферам.

Наконец слабое сопротивление было сломлено, и подчиненные дружно закивали, как китайские болванчики. И вот тут Петр по-настоящему обалдел. Иностраннй инженер начал прилаживать на ноги лыжи. Это что же получается, он собирается отправиться с ним в лес? Чудны дела твои, Господи.

— Слышь, купец, ну вот оно тебе надо? Еще и Отто Рудольфовича с собой тянешь, — подошел с возмущениями давешний шофер.

— А ты чего так кипятишься?

— Чего? Он, конечно, немец, перец, колбаса и со своими орднунг-закидонами, ^[3] но мужик дельный, и работник за ним как за каменной стеной.

— Ну а я-то тут при чем? Я его даже не просил ни о чем.

И это конечно же было правдой. Как правдой было и то, что Петр и не подумает его отговаривать от предстоящего путешествия. Кто знает, какой из него боец, но в любом случае ему под силу отвлечь на себя хотя бы одного бандита. А это уже дело.

— Как вас зовут? — обратился к Пастухову подошедший инженер, прилаживая к маузеру

кобуру-приклад.

— Петр.

— Ну что же, Петр. Вы первый, я за вами.

Говорить больше было не о чем. Намерения немца ясны как божий день. Порядок движения он определил с ходу. Хм. Вообще-то о том, чтобы командовал Пастухов, речи не было, но у Отто Рудольфовича распоряжаться получалось как-то не обидно, легко и естественно. Как у человека, привыкшего отдавать распоряжения. Вот что значит опыт работы с людьми. Петр не нашелся что сказать, а только оттолкнулся палками и покатил к обнаруженному съезду.

— У вас есть какой-нибудь план? — послышался из-за спины голос инженера.

К этому моменту они уже достаточно далеко отошли от дороги, следуя по руслу замерзшего ручья. А куда бандитам еще податься-то, с санями? Не через бурелом же в самом-то деле. После первого же поворота русла след стал явным и четким. Заметать его уже не имело никакого смысла: с дороги не видно, и ладно. Скорее всего, один из бандитов сел в сани, а трое продолжали следовать за ними на лыжах. Чтобы понять это, хватало и познаний Петра.

— Никакого плана у меня нет. Просто идем по следу и крутим головой по сторонам, чтобы не угодить в засаду. Если все будет нормально, то, думаю, через пару часов мы их нагоним.

— Отчего такая уверенность? — спросил немец.

— Сани, — начал пояснять Петр. — Лошадь не сможет их быстро тянуть. Человек на Лыжах куда быстрее. К тому же они идут по целине, а мы бежим по готовой лыжне. Я, может, и не особенно хороший боец или следопыт, но поверьте, за почти две зимы, проведенные мною в Сибири, неплохо научился ходить на лыжах.

— Ну, раз уж вы не такой хороший солдат, предлагаю поделить секторы наблюдения. Вы следите слева по ходу движения, я — справа.

— Кхм. Согласен, — несколько стушевался Петр, когда ему указали на его собственное дилетантство. — Отто Рудольфович, а вы-то что со мной пошли? Ведь не одобряете.

— Я глубоко убежден, что подобными делами должны заниматься профессионалы. Местные охотники или охотничьи казачьи команды способны сделать эту работу куда лучше нас.

— Но вы все же здесь.

— Ну, порой я бываю глупым. Наверное, заразился от русских. Я здесь уже три года, поэтому такую возможность вовсе не исключаю.

— Это да. Дурость — штука весьма заразная. Но извините за вопрос, мне бы знать надо. Вы из вашего маузера только по банкам упражнялись?

— Я прошел с этим пистолетом всю войну, от первого и до последнего дня.

— Случайно не по тылам?

— Случайно на фронте. Командовал ротой.

— Это хорошо.

Хорошо, конечно. Когда немец увязался за ним, думал, что при случае тот сумеет отвлечь на себя хотя бы одного бандита. А на поверку вышло, что у того боевого опыта на пятерых таких, как Петр, если не больше. Теперь понятно, откуда в нем тот стержень, который безошибочно определил Петр. Ну и навыки руководства, а скорее даже командования людьми. Правда, тут не военные, но и инженер не дурак, чтобы муштровать

своих подчиненных.

Примерно через час они все же нагнали беглецов. Впрочем, нагнали бы в любом случае, даже если бы не спешили. Хотя бы потому, что бандиты добрались-таки до своего логова.

Самая обычная избушка, расположенная на полянке. Чем-то похожа на ту, в которой Петр и Кравцов накрыли японцев. Разве что кроме сеней имеется лишь одна комната. Уж больно размеры скромные.

Сбоку пристроена сараюшка. Или все же навес. Эдакий каркас из жердей, крытый еловыми лапами, ими же прикрыты и стены. Есть и калитка, утепленная все тем же лапником. Там стояла для лошадей, не иначе. Вон видны еще одни сани. Из-за избушки, чуть вдалеке, выглядывает почти нетронутый стожок сена, рядом — уже разоренный. По-хозяйски устроились тати, нечего сказать.

С другой стороны, сомнительно, чтобы они тут лошадей держали всю зиму. Петр помнил, какие стога были у соседей Аксиньи, которые имели хотя бы одну корову. Лошадь, конечно, не корова, но вот таким количеством сена ее не прокормить. Так что сбывают они добытых лошадей. В Иркутске и сбывают. А здесь только и того, что отстаивают какое-то время.

Утепленный же сарай — это чтобы животины на морозе не пала. Шутка сказать, но тут бывает термометр опускается чуть ли не до пятидесяти градусов мороза. Это сейчас тепло, чуть ниже десяти. Хотя, пожалуй, уж и до пятнадцати дошло. Но все одно для здешних мест — так, сушая безделка.

К слову сказать, бандиты уверены в себе настолько, что даже часового не выставили. Интересно, эти идиоты полагают, что в сказку попали? Или настолько обнаглели от безнаказанности, что плевали на возможную опасность? Петр и Отто битый час нарезали круги вокруг избушки в поисках возможного охранника. Никого.

— Какие будут предложения? — глянув на инженера, спросил Петр.

— У нас принято сначала интересоваться мнением младших, — неопределенно ответил сорокалетний немец.

— И это правильно, — согласился Петр. — Так куда проще сохранить свой авторитет и не сморозить глупость в глазах младшего.

— Совершенно верно. А еще это возможность для молодых проявить себя.

— А для вас — снисходительно заметить, что молодой человек невероятно прозорлив для своего возраста, коль скоро думает так же, как и старший.

— И это тоже, — вновь согласился инженер, а потом требовательно посмотрел на Петра.

— Значит, так. Мой опыт подсказывает, что рано или поздно они захотят в туалет. И гадить будут не в избушке, а снаружи. Поэтому начнем действовать, как только кто-нибудь из них выйдет на улицу. Учítывая то, что карабин есть только у меня, я буду держать фасад. Вы обойдете с тыла и возьмете под контроль заднее окошко. Итак, убиваю первого. Потом пресекаем попытки бегства. И наконец, предлагаем им сдаться от имени полиции. Они бывшие каторжники и, поняв, что выхода никакого, сдадутся. В России смертной казни нет, а к каторге им не привыкать. Вот и весь план.

— Хм. Как у вас говорят, толково. Возражений не имею.

В этот момент из избушки донесся душераздирающий женский крик. Как там сказал унтер? От бабы не убудет? А вот Петр так не думал. Не кричит так баба, от которой не убудет. И ведь до избушки около сотни метров. Пастухов даже дернулся, чтобы броситься туда прямо

сейчас. Но легшая на плечо и слегка надавившая рука инженера остановила. Да, противно, да, от злости скулы сводит. Но сгоряча тут ничего не сделаешь. Их двое против четверых бандитов. И это как минимум.

Инженер успел занять позицию. И даже, наверное, слегка подмерзнуть. Во всяком случае, Петра слегка пробрало. А тут еще и дело к вечеру. Максимум еще час, и опустятся короткие зимние сумерки.

Женские крики прекратились. Либо ее наконец оставили в покое, либо смирилась, осознав всю тщетность стенаний. Но в одном Петр был уверен: она жива. Если бы ее убили, то труп уже выбросили бы на улицу. Ни к чему держать его в доме. Да и не стали бы ее убивать в помещении, вывели бы на улицу, чтобы потом не затирать кровь.

Он уже хотел послать пару пуль в окно, чтобы напугать бандитов и начать с ними переговоры, когда входная дверь отворилась, и наружу вышли двое. Все верно, по большой нужде человек может сходить раз в сутки, а бывает, и в двое. Малая же заявляет о себе куда как чаще.

Подождал, пока они не оправятся за углом конюшни. Конечно, стрелять в неподвижного противника, сосредоточенного на определенном занятии, куда проще. Вот только есть шанс, что второй бросится не в дом, а в лес. Выжить в одной рубашке, даже в марте, здесь проблематично. Но не невозможно. А гоняться за ним у Петра не было ни возможности, ни желания. Поэтому он решил выждать.

Оправившись, оба бандита засеменили к двери. И когда один из них потянул ее на себя, прозвучал выстрел. Петр отчетливо видел, как пуля взбила неподпоясанную просторную красную рубашку, ударив точно промеж лопаток. Отличный выстрел. И кто говорит, что патрон у винчестера слабый? Бандита буквально бросило на дверь.

Будь иначе, и второй скорее всего попытался бы заскочить вовнутрь. Но убитый подпер своим телом дверь, и вот так просто ее было не открыть. Поэтому он кинулся прочь, вдоль избышки в сторону конюшни. И как ни быстр был Петр, передергивая рычаг и удерживая беглеца на мушке, тот успел добежать до угла конюшни. Еще немного...

Но Пастухов не дал ему этих нескольких секунд. Второй выстрел свалил беглеца в снег. Правда, пуля оказалась несмертельной. Не успел Петр передернуть рычаг, как бандит подскочил на колени, зажимая рукой раненое плечо. Но встать на ноги не успел. Следующий выстрел свалил его окончательно.

Покончив с этими, Петр прицелился в окошко и произвел один за другим четыре выстрела. В разные стороны брызнуло битое стекло и щепки. Изнутри слышались испуганные крики. С противоположной стороны также раздались два выстрела. Это инженер отметился своим маузером. И надо сказать, удачно отметился. А иначе с чего бы одному из татей заходиться в таком болезненном крике.

Укрываясь за деревом и продолжая наблюдать за избышкой, Петр сноровисто заталкивал патроны в трубчатый магазин. При этом он был готов в любое мгновение подхватить изготовленный к бою маузер. Вот и последний патрон. По сложившейся традиции передернуть рычаг и дослать в магазин еще один заряд. Семь. Теперь порядок. Да-а, зря он все же пенял Завьялову на изрядное количество боеприпасов. Если так пойдет и дальше, то патронов еще и мало окажется.

— Граждане бандиты, говорит урядник полиции Пастухов! Избушка окружена. Сопротивление бесполезно. — Ну не смог он удержаться и не припомнить Жеглова. — Выходим на улицу с поднятыми руками. Стволы и ножи перед выходом бросаем на снег.

Раненого выносите наружу. В случае продолжения сопротивления вы будете уничтожены. Двоим уже не повезло.

— Начальник, а подумать дашь? — раздался резкий и самоуверенный голос.

— Конечно, думайте, — щедро разрешил Петр, а потом добавил: — Только учтите, что скоро стемнеет, и у нас нет желания гоняться за вами по ночному лесу. Так что через пять минут мы подожжем избушку, а тех, кто выскочит, достреляем к нехорошей маме.

— Не по закону, начальник.

— А мне до фонаря. Здесь я закон. И людей под ваши пули я бросать не буду. Спалим вас, а там скажем, что никого не нашли. Кто докажет обратное?

— Начальник, так у нас это... Бабенка у нас тут. Спалите нас, и ей того не миновать.

— Ты меня за дурака держишь? Решил прикрыться своей лярвой, на которой пробу негде ставить? У вас две минуты. Либо выходите, либо начинаете жариться уже здесь, а там в аду черти добавят.

— Начальник, падлой буду, она не из кодлы.

— Ага. А ты агнец божий.

В этот момент в глубине оконного проема что-то мелькнуло. Что именно, не понять. Урки то ли опытные, то ли слишком уж осторожные, близко к окну не подходят. Но Петр предпочел перестраховаться и, не раздумывая, послал в окно пулю.

— Эй, начальник, ты чего! — тут же послышался испуганный крик бандита.

— Минута времени! — жестко припечатал Петр.

— Все начальник. Выходим.

Далее произошла некоторая заминка с дверью, так как бандитам пришлось на нее подналечь из-за привалившегося к ней труп. Но ничего, управились без особого труда. Потом побросали на снег оружие и ножи и вышли сами. Двое бандитов поддерживали своего раненого товарища. Инженер прострелил ему плечо. И, как видно, попал качественно.

Женщина вышла самостоятельно. Держалась особняком, всячески стараясь хоть как-то удержать на себе лохмотья, в которые превратилась ее одежда. На лице отрешенное выражение. Нет, с расстояния в сотню метров Петр не особо рассмотрел бы ее эмоции, но едва он убедился в том, что преступники разоружились, как тут же направился к избушке.

А инженер молодец. Как только увидел, куда идет Петр, сместился в сторону, обойдя домик по дуге и зайдя с фланга. Со своей новой позиции он теперь мог простреливать пространство вдоль избушки, перекрывая оба окна и дверь. Собственно, именно поэтому Петр и решил двинуться на сближение.

— Внутри еще кто-то остался? — спросил он, обращаясь к женщине.

— Нет, — покачав головой, безучастно ответила она.

— Хорошо, — удовлетворенно произнес Петр, удерживая под прицелом маузера троих бандитов.

Винчестер уже висел на ремне поперек груди. На короткой дистанции скорострельный маузер с более вместительным магазином был куда как предпочтительнее. Например, для этого.

Кессених не успел приблизиться, как раздалась скороговорка выстрелов. Когда он наконец подошел, бандиты лежали вповалку, с несколькими лишними дырками в своих бранных телах. Петр же спокойно заталкивал в магазин патроны из скорозарядника.

— Зачем? Их нужно было предать суду, — окинув взором неприглядную картину, сказал немец.

— Они сопротивлялись до последнего, и я вынужден был их убить, — по обыкновению пожав плечами, ответил Петр под одобрителный взгляд женщины.

— Закон существует, чтобы его выполнять даже в такой глуши, — не согласился инженер.

— Отто Рудольфович, ну и что бы им сделали? Опять отправили на каторгу? Так они там уже были. И, выйдя, решили продолжить грабить и убивать. Нет, если бы они только крали и грабили, то я бы с вами согласился. Но ведь они убивают.

— Тот мужик жив, — возразил немец.

— Был жив, когда мы расстались, и точно бы умер, если бы мы совершенно случайно не напали на его сынишку.

— Максимка? Семушка? Они живы? — с явно прорывающимися рыданиями спросила женщина.

— С сыном твоим все хорошо. Муж был жив, но выживет ли, не знаем. Отто Рудольфович отправил его в Слюдянку к доктору, — кивнув в сторону инженера, ответил Петр.

— Слава тебе господи, — истово перекрестилась женщина, опускаясь на снег и заливаясь слезами.

Вот так сразу и не разберешь, что это за слезы. То ли от радости, то ли от пережитого за сегодняшний нескончаемый день. Но то, что плачет, уже хорошо. Слезы — они очищают душу, смывая с нее брентную грязь. А еще выносят прочь боль. Не физическую. Душевную. Ту, что подчас ранит куда как сильнее.

— Это хладнокровное убийство, — отведя Петра в сторону, возмущенно произнес Кессених.

— На фронте вы были столь же щепетильны?

— Здесь не война, — отрезал немец. — И я никогда не позволял себе самосуда.

— И это радует, Отто Рудольфович. Но вы совершенно правы: тут не война, а потому и спрос другой. Око за око. Слышали о таком?

— Кхм. Вы поставили меня в неловкое положение, — с долей сомнения сказал немец. — С одной стороны, я вынужден доложить о случившемся. С другой...

— Отто Рудольфович, возможно, вам от этого будет легче... Даже зная точно, что вы доложили бы о случившемся, я все одно поступил бы так же.

Петр ничуть не лукавил. А по большому счету и ничего не боялся. Его слово — против слова немца. И поверят Петру вовсе не потому, что он русский. Боже упаси. Просто достаточно положить в качестве дописка к своим словам пару «катенек»,^[4] как местная Фемида примет его показания к сведению и нагло проигнорирует таковые со стороны господина Кессениха. Дело будет закрыто за отсутствием состава преступления еще на начальном этапе.

А отчего, собственно говоря, нет, коль скоро убитые были бандитами и их, можно сказать, прихватили на месте злодеяния? Ну постреляли их. И что с того? Не уговаривать же их было, раз они стреляют.

— Сделаем так. Я был далеко и не видел всех деталей произошедшего, — наконец пошел на сделку со своей совестью инженер.

Глава 3

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

— О майн гот!^[5] Я когда-нибудь вас поубиваю. Вот этими самыми руками!

Инженер Кессених, от злости красный как рак, тряс руками, осыпая бранью понурившихся мужиков. Разнос происходил у входа в конторку, в свете фонарей. Рабочий день начинается достаточно рано, а светает пока еще довольно поздно. На востоке едва-едва появилась светлая полоса. Еще немного, и тьму сменят предрассветные сумерки.

Вообще-то картина достаточно комичная. Каждый из шоферов был как минимум на полголовы выше инженера и куда более внушительной комплекции. И тем не менее все пятеро покорно стояли, осыпаемые бранью, разве только носом не шмыгали и не шаркали ножкой. А нет. Вон один из них утерся рукавом телогрейки.

Никакой ошибки. Да, середина апреля. Однако на мужиках надеты телогрейки. Петр, кстати, щеголял в такой же. Просто в кабине грузовика в ней куда удобнее, чем в полушубке. Водители если и носили меховую одежду, то только в нерабочее время. Ведь кроме неудобства есть еще и вариант испортить достаточно дорогую вещь. Ватник же стоит недорого, и если без надобности, его можно пристроить на крючке позади водительского места.

— Ну вот как? Объясните мне. Как можно было не слить воду из котлов?

— Отто Рудольфович, так ведь апрель. Снега уж нет. Вот мы и подумали... — заговорил было один из шоферов, но его тут же оборвал разъяренный инженер:

— Oh mein Gott! Вам не надо думать! Вам нужно только выполнять! За вас уже давно подумали! Вы хотя бы представляете, что сорвали график работ? И это если ничего не разморозится. А ведь может.

Н-да. Нет, не понять Кессениху, немцу до мозга костей, русского человека, у которого расп... В общем, в крови это у него. На генном уровне. А еще извечная надежда на русского Авося, родного брата римской Фортуны. И судя по надеждам, которые всякий раз на него возлагают русские, она таки его младшая сестра.

Весь сыр-бор случился из-за непредсказуемой сибирской погоды. Или скорее уж байкальской. Само озеро все еще покрыто ледовым панцирем, хотя нередко встречаются самые настоящие озера талой воды поверх льда. А вот в округе снег уже сошел практически везде. Разве что на сопках лежит, да и то в складках, подальше от солнечных лучей.

Мало того, вчера был такой солнечный денек, что... Есть такая присказка: «Займи, но выпей». Не сказать, что Петр придерживался подобного мнения, но погодка была и впрямь замечательная. К тому же мужики вовсе не разделяли его отрицательного отношения к спиртному. Торопились они после работы. Вот и побросали свои грузовики, едва только загнав на территорию гаража строительного управления.

А что такого? Жара стояла под двадцать градусов. С наступлением сумерек, конечно, похолодало, но оно и понятно, земля все еще стылая, да от Байкала веет холодом. А ночью ударил двадцатиградусный мороз. Угу. Бывает здесь такое. Случается и летом снегопад. Не часто. И подобное — скорее аномалия. Но вот морозы даже в середине мая — вовсе не исключение. Пусть и не такие крепкие.

Сейчас топки запустили, и они начали прогревать котлы. Если все будет нормально и не

прорвало медные трубы в утробах котлов, то через час автомобили выедут на линию. Основное время отнимет бак с запасом воды.

Он расположен между кабиной и кузовом. Во время работы машины вода постоянно подогревается паром, как отработанным, так и избыточным, сбрасываемым предохранительным клапаном. На таком морозе, да еще и при ветре, задувавшем ночью с Байкала, баки проморозило полностью. Однозначно.

Кессених был самым настоящим педантом и срыв графика выполнения работ рассматривал чуть ли не как личную трагедию. Стоит ли говорить, что он снимет с шоферов семь шкур. Правда, не позволит этого больше никому. Его подчиненных может наказывать только он и никто другой.

Собственно, именно поэтому работяги были готовы начистить морду любому, кто вздумал бы пройтись по «их немцу». Кстати, это же относится к остальным немецким специалистам, которые трудятся на строительстве Кругобайкальской железной дороги. При общем негативном отношении к немцам, война с которыми закончилась не так чтобы давно, работавших с ними бок о бок специалистов люди уважали.

Потому и разнос, устроенный инженером, был воспринят достаточно адекватно. Вон шоферы получили свою порцию пилюль, отошли в сторонку, и негласный лидер Семен отвесил подзатыльник их заводиле Илье. Не иначе как именно с его легкой руки водители наплевали на инструкцию. Опять же лень-матушка. Ну чего сливать воду, если весна и уже несколько дней стоит плюсовая температура? Угу. Вот тут-то по закону подлости и ударил мороз.

— Здравствуйте, Отто Рудольфович.

— Здравствуйте, Петр, — утирая платком покрасневшееся лицо, поздоровался немец. — Надеюсь, вы не поленились?

— Обижаете. Я вообще неправильный русский.

— Это как?

— Не люблю создавать трудности, чтобы потом героически их преодолевать.

— Как-как? — живо заинтересовался Кессених. — Создавать трудности, чтобы потом героически их преодолевать?

— Именно.

— Очень интересное высказывание. Нужно будет обязательно запомнить. — Немец тут же извлек блокнот и записал услышанное.

Отто Рудольфович относился к русским с искренним уважением и старался как можно лучше их узнать. В том числе записывал поговорки, занятные выражения и разучивал песни. Научился играть на балалайке, да так, что мог заткнуть за пояс любого балалаечника. Петр откровенно заслушивался его частушками. Хотя не исключено, что виной тому характерный немецкий акцент. Уж больно забавно получается.

— Да не переживайте вы так, Отто Рудольфович. Всего и дел-то — слегка подкорректировать график выхода грузовиков. Все одно на карьере машины одновременно не грузят. В итоге если задержка и выйдет, то на полчаса, не больше.

— Вот! Вот в этом вся беда русских. У вас во всем существуют такие большие допуски, что не приходится удивляться извечному отсутствию порядка.

Угу. Кто о чем, а немец об орднунге. Пунктик у них такой. Петр слышал байку о том, как Гитлер учил немцев оплачивать проезд в общественном транспорте. Мол, выводили безбилетников и расстреливали. Бред. Нет Гитлера. Если же и есть, то он сейчас никому не

известен. А порядок в немцах сидит как влитой.

— Ну, это вы преувеличиваете, Отто Рудольфович, — не согласился Петр скорее из духа противоречия, чем действительно не соглашаясь с немцем.

— Нисколько, — начал пылко отстаивать свое мнение инженер. — Взять вашу винтовку. Я не видел ни одного образца, у которого бы части затвора были настолько разболтанными. Его же можно использовать как погремушку для капризного ребенка.

— Есть такое. Зато «мосинка» способна выдержать такое безалаберное отношение, какое не снилось маузеру. А еще предусмотрена полная взаимозаменяемость частей. Опять же для их производства не требуются рабочие с высокой квалификацией.

— А к чему вообще относиться к оружию безалаберно? Отчего не научить солдата обращаться с ним по возможности бережно? Маузер, «энфилд», «манлихер» выполнены с куда большим тщанием, не обладают взаимозаменяемостью частей, из-за чего не столь годятся для ремонта. Однако превосходят вашу винтовку по многим показателям. И прошли те же испытания долгой войной. Ваш же аргумент — возможность использовать при их производстве рабочих с низкой квалификацией — мне кажется вообще абсурдным. Уж лучше готовить квалифицированные кадры и относиться к изделию бережно, чем изначально вносить в конструкцию большие допуски, рассчитывая на кривые руки и плохое оборудование. Из винтовки Мосина можно сделать настоящую конфетку. Если вдумчиво за нее взяться.

— Серьезно? А после тщательной немецкой доработки она будет столь же безотказна как в лютый мороз Заполярья, так и в условиях песчаных бурь Средней Азии?

— Уж не сомневайтесь.

— А вот я сомневаюсь. И заметьте, это при том, что я с вами во многом соглашаюсь. В частности, насчет квалифицированных кадров и необходимости своевременно обновлять станочный парк я полностью на вашей стороне.

После той истории месячной давности между Пастуховым и Кессенихом сложилось нечто вроде приятельских отношений. Лично Петр относился к немцу с уважением именно из-за того, что тот, наплевав на все, пошел вместе с ним спасать совершенно незнакомую женщину. Кстати, рабочие и без того его почитали, а после той истории его авторитет взлетел еще выше.

Что же до Отто Рудольфовича, то его привлекла не смелость Петра, не его готовность прийти на помощь незнакомым людям, не бойцовские навыки или болезненное чувство справедливости. Он вообще считал все это отличительной чертой русских. Куда больше его занимала способность Петра рассмотреть рациональное зерно там, где другие этого попросту не замечали, хотя все лежало на поверхности. Причем происходило это у Петра как-то походя.

Взять хотя бы историю с механическим молотом в кузнице. Он вместе с кузнецом собрал этот молот буквально за пару дней из разного хлама. Дольше возились с огромным валуном, которому предстояло стать основанием для наковальни. Правда, под привод пришлось выделить электромотор. Но выгода оказалась настолько очевидной, что его было не жалко.

К тому же от него же работал привод вентилятора поддува для горна. И тоже идея Петра. Благодаря этому убрали мехи и освободили некоторое пространство в кузне. А еще высвободилась лишняя пара рук. Ну и работать стало много проще.

— Ладно, Петр, об этом поговорим после. Ты как, готов?

— В котле рабочее давление, — заглянув в кабину, доложил Петр.

— Тогда выезжай раньше. Только отметить у диспетчера. А я пойду. Нужно теперь как-то выправить график. Вечером жду в гости. Мне из Иркутска привезли три кувшина отличного пива.

— Принимается.

Попрощавшись, Петр полез в кабину своего «Муромца». Хорошая машина. По местным меркам, разумеется. Впрочем, Пастухов не особо разбирался в грузовиках. Очень может быть, что этот не слишком уступает своим собратьям из мира Петра. Самосвал грузоподъемностью шесть тонн — не так чтобы и мало.

Не КамАЗ, конечно, но тот же ЗИЛ за пояс заткнет. В том числе и по скорости. Петр без труда ходит на нем семьдесят верст в час. В здешних условиях это предел. Можно и быстрее, были бы нормальные дороги. Но их-то как раз и нет.

Захлопнул дверь, включил свет фар. Перед мордой кабины тут же появились два слившихся полукруга бледно-желтого света. Понятия «дальний» и «ближний свет» пока еще не существует, поэтому фары отрегулированы так, чтобы светить на расстояние метров пятьдесят. Сейчас они горят за счет аккумулятора, но, как только заработает машина, тут же придет в действие генератор, и свет станет гораздо ярче.

Петр привычно осмотрел подсвеченную приборную панель. Чертыхнулся и полез за замызганной тряпицей, чтобы протереть стекла приборов. Устал уже бороться с грязью в салоне, да делать нечего. Если дорожная пыль — проблема сезонная, то угольная — как извечное наказание шоферов. К концу рабочего дня, как ни старайся, походишь на шахтера. Ну, может быть, на чуть ленивого шахтера. И все же.

Вон он, стоит сзади короб, наполненный местным бурым угольком. Не антрацит, но для автомобилей вполне подходит. К тому же до месторождения не дальше двух сотен верст, добывают его в открытом карьере, поэтому и стоит недорого.

Справа от водителя расположен круглый котел в теплоизоляционной рубашке. Да только ерунда все это. Если зимой он дает достаточно тепла, чтобы чувствовать себя комфортно, то летом, наверное, будет настоящий ад. А лето тут хотя и короткое, но жаркое. А уж как в таких агрегатах не сходят с ума в южных широтах, Петр понятия не имел.

Коробки переключения передач нет и в помине. Как отсутствует и соответствующий рычаг. В смысле он есть, но не в привычном месте и предназначен только для переключения клапана, для движения вперед или задним ходом. Из педалей есть только тормоз и акселератор. Никакой пуганицы. Именно так эта педаль, открывающая паровой клапан, и называется. Чем сильнее на нее давишь, тем больше подаешь пара на рабочие цилиндры машины.

Сама паровая машина до неприличия мала. Вот взглянешь на нее — и не поверишь, что она способна сдвинуть с места многотонный автомобиль, да-еще и позволить ему преодолевать достаточно крутые подъемы. Причем делает это паровая машина с куда большей резвостью, чем ее собратья с двигателями внутреннего сгорания. Правда, расплачиваться за это приходится повышенным расходом пара и как следствие — резко уменьшающимся запасом хода.

Но габариты машины серьезно проигрывают двигателю внутреннего сгорания. Отсюда картина и выглядит совершенно нереальной. Во всяком случае, для Петра. Местным-то что, они иного и не видели. Правда, все в этом мире относительно. Если рассматривать машину в купе с котлом, а они друг от друга неотделимы, да еще и прибавить сюда емкость с водой, то

габариты и вес движителя в значительной степени возрастают.

Сверху котла расположен эдакий круглый лючок с деревянной ручкой диаметром сантиметров двадцать. Петр убрал его в сторону, подкинув внутрь пару совочков угля. Для этого приходится чуть разворачиваться. Ну да ничего страшного, места тут хватает. Однако в просторной кабине из-за котла помещается только два человека. Но пассажирское сиденье в авто Петра практически все время пустует. Как, впрочем, и у остальных.

С угольком порядок. Петр выдернул из зажима винчестер и, слегка приоткрыв затвор, убедился в том, что патрон в стволе, а трубчатый магазин полон. Будь его воля, он бы тут вообще ездил на броневику. И кстати, уже заказал в Красноярске многослойные стекла для кабины. Водительскую дверь и морду перед собой уже усилил, от греха подальше. Справа понизу защитит котел, спину прикрывают бак с водой и железный кузов. Так что остается только дожидаться стекла.

Нет, он не параноик. На строителей железной дороги часто случаются нападения. И на водителей — чаще, чем на других, потому что они зачастую предоставлены самим себе, осуществляя доставку грузов по весьма протяженным дорогам. Потому и вооружены они поголовно, нарезными карабинами в том числе. Впрочем, в основном все же дробовиками. Да и карабины в массе своей — берданки.

После винчестера настала очередь маузера, который у Петра всегда на груди. Лучше выглядеть смешным, но подготовленным, чем оказаться в нехорошей ситуации, вооруженным палкой. Впрочем, над ним уже давно никто не подтрунивает. Потому как у многих припрятаны те же «смит-вессоны», снятые с вооружения русской армии. Просто они их лишний раз не показывают.

Кстати, Петр тоже не отсвечивает своим вторым стволом. Он таки прикупил себе браунинг с магазином на шесть довольно мощных девятимиллиметровых патронов. Правда, по обыкновению седьмой у него всегда в стволе. Пистолет куда компактней маузера и носится в плечевой кобуре. Так. На всякий случай. Угу. Это уже к паранойе поближе будет. Но Петр в этом не сознается даже самому себе.

Грузовик плавно тронулся с места, издавая характерный вой. Звук работы паровой машины не идет ни в какое сравнение с работой двигателя внутреннего сгорания. Тут не нужны никакие глушители. И это многотонный грузовик. Работу машины некоторых новейших легковых автомобилей вообще не слышать. Единственное, что ты слышишь даже в открытом авто, — это шуршание шин по дороге.

У выезда с территории ненадолго остановился, чтобы сделать отметку у диспетчера в путевом листе, ну и расписаться за выезд. Бюрократия. Никуда не денешься. Все же машина не личная, казенная.

Наконец Петр оказался за территорией и придавил акселератор. «Муромец» начал набирать ход плавно, без рывков. Нет, если есть желание, не вопрос: педаль в пол — и из-под зубатых покрышек полетят камни и комья мерзлой земли. Паровик-то он паровик, но кто сказал, что неспособен на прыть? Еще как способен. Что называется, рвет под себя. Правда, о недостатках подобных гонок уже говорилось. Чрезмерный перерасход пара и быстрое падение давления в котле.

В карьере был уже через двадцать минут. Территория освещена плохо, фонарей не так уж много. Впрочем, главное, что в достаточной мере освещена площадка с готовым щебнем. На карьере жизнь уже кипит вовсю. Не смотри, что тут заведует русский горный инженер. У него не забалуешь. Правда, любовь среди рабочих не снискал. Чисто зверь. Причем еще и

любитель прикарманить то, что плохо лежит. Ну и рабочей копеечкой не брезгует. Но что есть, то есть, отгрузку щебня еще ни разу не сорвал. Вот так взглянешь на энтузиазм работников — и усомнишься в слухах. Но с другой стороны, плеть — она порой лучше пряника работает.

Вон как дробилки грохочут, перемалывая породу и подавая получившуюся массу на сито. Там дробленку делят на фракции щебня по определенным размерам. Часть его идет на отсыпку железнодорожного полотна, другая — для бетонных работ, которых на стройке хватает. Самая мелкая, песок, также находит свое применение.

Подъехал на площадку и встал под погрузку. Экскаватор пыхнул облачком черного дыма и пришел в движение. Вообще зрелище весьма своеобразное. Петр поначалу не мог отвести от него взгляда, настолько все было непривычно и, чего уж там, дико.

Стрела представляет собой Х-образную конструкцию с неравными палочками. Более массивная — двойная — является первой частью плеча и шарнирно закреплена к несущей раме экскаватора. Вторая часть состоит из одной рейки с большими зубцами по нижней части и неподвижным ковшом с откидывающимся дном на конце. Привод осуществляется путем использования сложной системы тросов. Словом, вот так сразу, без ста грамм, и не разберешься.

По меркам Петра, работает экскаватор довольно медленно, с излишней суетой и грохотом. То и дело вращаются барабаны, подавая или сматывая тросы. Большая шестерня на первом плече то оттягивает рейку назад или вверх, то толкает ее вперед или вниз. Полный сюр. Но это смотря с чем сравнивать. Если, к примеру, с сотней землекопов, то прогресс небывалый. Если с машинами из его мира...

А стоит ли сравнивать? Хм. Сравнить, может, и не стоит, а вот... Ну что тут сложного-то? Нет, понятно, что сложно и мозги тут нужны не Петра. Но в остальном ведь все нужное уже существует. Поговорить сегодня за пивом с Кессенихом? Пожалуй, не помешает.

В кузов помещается четыре ковша щебня. Можно, конечно, и пятый сыпануть. Уж как-нибудь распределится и не просыплется. Но кому нужны такие риски? Это ведь перегруз в полторы тонны получится. Долбись потом сам с ремонтом. Да еще поди объясни начальству, с какой такой радости ты из себя неизвестного здесь Стаханова изображал. К тому же в зачет тебе идут не тонны, а ходки. Опять же ковш — это дело такое: разок больше зачерпнул, разок меньше, а то и все четыре с горкой. Словом, машина все одно минимум половину ходок бежит с перегрузом.

До возводимой насыпи добежал бодро. Всего-то минут сорок. И ведь верст на пятьдесят от карьера отошел. Молодцы немцы, мозг выносят на совесть, зато и вспомогательная автодорога вдоль железки качественная получается. Вот так вот, строят железную дорогу, а вдоль нее — одновременно и автомобильную. Только не запускай и содержи в порядке.

Каторжан из лагеря еще не подвезли. Их высаживают примерно в версте отсюда, и потом те распределяются по партиям. Кого на тачку, кого на лопату или переноску рельс. Особо одаренные, в смысле те, у кого руки растут откуда нужно, трудятся на более сложном оборудовании: уплотняют грунт вибраторами, устанавливают шпалы, бьют костыли и стягивают рельсы массивными болтами.

Угу. Руководство стройки всячески старается механизировать процесс возведения железнодорожного полотна, вот только получается это у них не очень. Недостаток ощущается не только в самой технике, но и в рабочих кадрах. К примеру, Петр наблюдал в гараже два исправных грузовика, для которых нет шоферов. Даже последняя партия ссыльных не

помогла восполнить весь некомплект.

Что и говорить, в России сейчас самый настоящий производственный бум. Предприятия тяжелой промышленности и машиностроения растут как на дрожжах, и старая система подготовки кадров попросту не справляется. Вот и работают по старинке, все больше ручками.

До обеда за шесть часов Петр успел сделать три ходки. Норма. Тут вообще непонятно как нужно извернуться, чтобы ее перевыполнить. Котел требует периодического обслуживания примерно через каждую сотню километров. Шлак из топки удали, запас воды пополни. Хорошо хоть каждый раз пары разводить не надо.

Петр даже порой жалел, что napросился шофером. Скучно ему, видишь ли, целыми днями в цеху торчать. Ничего, поторчал бы. Возись теперь с этим неуклюжим грузовиком, води вокруг него хороводы. А еще напрягает отсутствие гидроусилителя. Только неделя, как руки и спина перестали болеть от постоянного напряжения.

Хотя... Везде хорошо, где нас нет. Он бы с куда большим удовольствием вовсе открестился от работы на стройке, благо в средствах недостатка не испытывал. Но нет. Нельзя. Все ссыльные обязаны работать, и непременно на строительстве железной дороги. Точка.

Разумеется, все вопросы решаемы. Где есть бюрократия, там есть и коррупция. Но Петр поначалу подумал было, что запреет без дела, вот и сунул голову в петлю. А потом оказалось, что дороги назад нет. Только через Отто Рудольфовича. А этот взятку не брал. Во всяком случае, деньги и иные материальные благости его не трогали.

Петр попытался было сделать проброс, но столкнулся со стеной непонимания. Инженер предложил сделать вид, что этого разговора не было, и продолжить общение в прежнем ключе. Нет, конечно, подобные личности попадались не только среди немцев. Бывали и русские, такие, что и из пушки не прошибешь. Вот только данный факт ничуть не трогал патриотические чувства Петра. Ему-то от этого ни холодно ни жарко...

Петр медленно сдавал задним ходом, внимательно следя в зеркало за знаками мастера. Наконец тот поднял руку вверх в стопорящем жесте, и Пастухов нажал на педаль тормоза, останавливая грузовик. Мастер опустил руку, словно говоря «вываливай».

Порядок. Петр выскочил из кабины, прихватив с собой брезентовые рукавицы. Прежде чем накренить вбок борт и опорожнить кузов, нужно было открыть запоры. Ни о какой автоматике тут и речи не шло. Впрочем, и в его мире не так часто встретишь самосвал, где автоматика работает исправно и можно обойтись без личного вмешательства водителя. Разве только машина новая.

— Опа! Кого я вижу! Ну здравствуй, купец. Не ожидал?

Петр обычно не больно-то присматривался к каторжанам. Ну возятся там вокруг насыпи — и пусть возятся. Они для него были самым обычным пейзажем. Нет, конечно, за спину к себе никого не пускал. Не то место, не та публика. Но и не приглядывался особо. А чего глазеть? Друзей-товарищей среди каторжан у него нет.

Н-да. А вот теперь придется, видать, озираться повнимательнее. Знакомец по «Крестам», тот самый щуплый усач с усмешкой душегуба, смотрел на него злым и вместе с тем радостным взглядом. И те два бугая с лопатами рядом. А вот и шестерка. Надо же, вся четверка оказалась в одном месте.

Иван хотя и выходит работать, за инструмент никогда не возьмется. Ему проще сдохнуть, чем уронить свой авторитет перед окружающими, а главное, перед своей же кодлой. Случись

ему поработать, и те первыми от него отвернутся. А тогда уж и конец не за горами. Причем весьма и весьма безрадостный, потому как конкуренты будут стараться вдумчиво и с фантазией.

Поэтому, не имея своей, Иван забрал лопату у шестерки. Так-то не в падлу, он же не работать собирается. В его руках этот инструмент превратился в орудие убийства. Угу. Намерения этого уroda совершенно ясно читались в его глазах. Да и быки не отстают, ни взглядами, ни вообще, дружно так надвигаются. Только шестерка забежал глазками, но не испуганно, а с явственным злорадством. Конвойные вроде и неподалеку, но встали в кружок и о чем-то увлеченно беседуют.

— Придурок, у тебя что, две жизни? — Боднув его взглядом, Петр отщелкнул крышку кобуры и положил руку на рукоять маузера. — Еще шаг, и ляжете здесь в рядочек.

— А ты не пугай, купчина. Пуганые, — все же останавливаясь, с некоей показной ленцой процедил Иван.

— А я и не пугаю. Предупреждаю. Ты разницу между мной и собой улови. Ты каторжанин, я ссыльный. Да еще и на строительстве Транссиба. Мне дано право не только носить оружие, но и защищать себя. Если хочешь знать, то вы живы лишь потому, что мне жалко расставаться с деньгами, которые придется приплатить следователю. Все же дороговато обойдется. А так бы грохнул вас, и вся недолга. И молитесь своим воровским богам, чтобы я не передумал. Что ни говори, а деньжата у меня есть.

— Какой ты у нас грозный.

— Не у вас. Но да, грозный. Это могли бы подтвердить два десятка мразей, которых я отправил на тот свет. Так что если не хотите присоединиться к ним, осадите.

— Мы еще поговорим, — все же давая задний ход, многообещающе произнес Иван.

— Не советую. Но решать тебе, — равнодушно ответил Петр.

Ну вот. Теперь точно придется проявлять бдительность. Н-да-а. Поистине Земля круглая и тесная. Такая большая империя, бескрайние сибирские просторы. Десятки каторг. Но надо же было такому случиться, что эта четверка оказалась на одной из двух задействованных на строительстве Кругобайкальской железной дороги...

В гараж Петр заехал уже в привычной темноте. На часах восемь вечера. Как обычно, припарковал грузовик, спустил пар, слил воду. Вычистил топку, ссыпав горячий шлак прямо в лужу. Зашипело, в нос ударил резкий запах. На стоянке вообще шлага хватает. Ритуал повторяется всеми шоферами каждый день. Так что вроде никто площадку специально и не посыпал, и в то же время грязи как таковой нет.

Поставив авто на стоянку, Петр направился на выход. Зашел в диспетчерскую, сдал путевой лист, на котором значилось семь отметок мастера. Привез щебень, получи отметку. Вот и весь учет. Хоть в паре километров грузись, им без разницы, главное — привези и сгрузи.

Домой шел усталый, но наслаждаясь прохладой. Сегодня пришлось туговато. Солнышко припекало так, что уже часам к одиннадцати было даже жарко. А в кабине, в компании с котлом и дымоходом, пусть и в кожухе, то еще веселье. Однозначно летом намучается и будет ждать зимы как манны небесной.

До дома дошел быстро. Село не такое уж и большое. Говорят, у Слюдянки есть все перспективы для того, чтобы стать городом. Тут неподалеку находится месторождение слюды. Собственно, именно поэтому еще при царе Горохе тут и возникло поселение. И название — оттой же слюды. А еще всего-то километрах в пяти имеются большие залежи

белого мрамора. Вроде даже ходят разговоры о том, чтобы построить из него здание вокзала.

[6] А отчего не шикануть, коль скоро материал чуть ли не под ногами?

Квартировать у Петра особого желания не было. Все же тут предстоит прожить не один год. А потому он хотел обзавестись собственным домом. Ну почему нет, раз может себе это позволить. Опять же стоять будет копейки. Конечно, удобства, которые Петр планирует устроить, выйдут гораздо дороже самого дома. Но с другой стороны, нет ничего плохого в том, что у него нет желания морозить задницу, а хочется посидеть на унитазе с книжкой в руках. Понятно, что место не особенно подходит для просвещения. И все же.

Вот только покупать под это дело уже готовый дом Петр не желает. Ну его к ляду. Переделывать всегда муторней, а зачастую и дороже, чем построить новое. И уж тем более это относится к избам. Другое дело, что нужно дожидаться тепла. Строиться в зиму тут все же как-то не принято. Поэтому он пока квартирует у одной вдовушки.

Хм. До Аксиньи ей — как до Шанхая ра... пешим маршем. Шанхай, конечно, отсюда поближе будет, нежели из европейской части России, но все одно далеко. Вот и с Марфой так же. К счастью, с ее стороны поползновений не было, а то нехорошо как-то обижать женщину, — а хозяйка Петра не вдохновляла. Ну не его размер. Баба на полголовы выше него и чуть ли не вдвое шире. Да рядом с такой себя мальцом чувствуешь, хотя сам и не пигмей вовсе.

Но чего не отнять, того не отнять. И домовитая, и сердце доброе. А еще, несмотря на свои грозные габариты, боязливая и ранимая. Вон стоит у калитки в свете полной луны и с испуганным видом что-то поясняет двоим мужичкам, одетым... Хм. Да в рвань в общем-то. Заплата на заплатке. Это отлично видно. Луна такая, что хоть газету читай.

Эти типы сродни бичам из мира Петра. Только со значительным отличием. Если бичи — это просто спившиеся и опустившиеся люди, то эти к тому же еще и бывшие каторжане. Живут в какой-нибудь халупе да обретаются поближе к питейным заведениям. Когда припрет, идут по селу искать работу. Правда, помощники из них — просто беда. Намучаешься от такой помощи.

Но местные стараются все же не отказывать им и терпят. Есть и такие, что сразу выносят что-нибудь съестное или чуть не на постоянной основе подкармливают «бедолаг». А что делать? Погони таких поганой метлой, так они учудят чего. Хорошо как какую мелкую пакость сотворят, а то ведь могут и красного петуха подпустить. Рэкетеры доморощенные, мать их.

Вот и эти, похоже, решили навязать свои услуги Марфе, а та и не знает, как быть. С одной стороны, Петр точно знал, что мужские руки ей не помешают. С другой — чем такие работники, лучше уж вовсе никаких. Но и откупаться все же не очень хочется. И понять ее нетрудно. Одна с двумя детишками управляется. Старший — тот подался в Иркутск и возвращаться не думает, напрочь позабыв о мамке и двух младших братьях. Мужика в доме нет, как и особого достатка.

И надо сказать, рваная публика обходила бедный домишко стороной. А что тут взять-то? Есть и куда более справные подворья. Да вот только с появлением у нее квартиранта вдова вроде как побогаче жить стала. Так отчего бы ей не проявить заботу о сирых и убогих?

Разговаривать с ними Петр не желал. И так все ясно. Поэтому, едва подойдя, с ходу ударил одного из мужиков в челюсть, отправив в нокаут. Второму досталось под ложечку, отчего его тут же переломило пополам. Дело довершило колено в лицо. Из расквашенного носа сразу хлынул поток крови. Носок сапога в живот, и горе-рэкетера окончательно

скрутило в позе эмбриона.

Петр склонился над первым, похлестал его пару раз по щекам. Ага. Приходит в себя. Свет луны падает как раз удачно, в глазах появилось осмысленное выражение. Вот и ладушки. Пинать бесчувственное тело — дело неблагодарное. Никакого воспитательного эффекта. А теперь кулак в душу. Подняться и, так же как и первому, носком в живот.

— Петр Викторович, что же вы делаете?! — всплеснула руками сердобольная хозяйка.

— Все хорошо, Марфа Кузьминична. Вы не переживайте. Эй, убогие, слышите меня? Вы хоть кивните или пискните что, а то ведь грохну сгоряча.

В ответ мужики издали мучительное мычание. Один вроде даже просипел что-то вроде «слышим». Ну вот и ладушки. Признаться, калечить их в планы Петра не входило. Как, впрочем, и убивать. Разве что настроить на нужную волну. Так чтобы разговор склеился.

— Ну что, уклунки, работу ищете?

— Не. Не ищем, — закашлявшись, поспешил ответить тот, что получил вторым.

— Это вы зря. Потому что вы ее только что нашли.

— Да нам без надобности. Кхе! За-а что-о?

Угу. Прилетевший в живот сапог здоровья не добавляет. А Петр ничуть не стеснялся. Ничего, порода живучая, ничего им не станется.

— Это чтобы ты не отказывался от работы. Ленъ-матушка есть смертный грех, а мой долг доброго христианина — не допускать грехопадения ближнего своего.

— Чего? — ошалело выдохнул первый.

Он уже практически пришел в себя. Но тут же словил в живот сапог. Чтобы не расслаблялся и слушал с вниманием. Очень уж не хотелось повторять.

— Я говорю, что Марфе Кузьминичне нужна помощь по хозяйству. Мужской руки не хватает. И коль скоро вы такие добрые, то завтра с рассветом чтобы оба были тут. Сделаете все, что она скажет. Причем делать будете быстро и со старанием. Узнаю, что морды воротили, качали права или выказывали какое недовольство, прибью как шелудивых псов. Сделаете все как полагается, заплачу честь по чести. А сейчас пошли вон. И не дай бог вам со мной играть. Отправлю на небеса и даже не поморщусь.

Поддерживая друг дружку, парочка поспешила ретироваться. Оба клятвенно заверили Петра, что с рассветом непременно предстанут пред ясны очи хозяйки. Угу. Слава у Петра в Слудянке та еще. Едва месяц минул с тех пор, как он израсходовал пятерых татей. Село, конечно, немаленькое: как ни крути, а проживает около пяти тысяч душ, да только все тут обо всех всё знают.

Отчего же эти двое тогда такие смелые? Так ведь не к Петру подошли, а к его квартирной хозяйке. Ну вот какое ему до нее дело? Он с утра ушел на работу и к ночи только вернулся. Можно сказать, и видеть-то ее не видит. А этим, похоже, приспичило, добавки захотелось. Пока Петр к ним прикладывался, явственно различил запах перегара.

— Зачем так-то, Петр Викторович? — вздохнула квартирная хозяйка.

— А вы как хотели? Может, я им еще и водочки должен был поднести? Вы вот что, Марфа Кузьминична, оставьте эти разговоры. Лучше подумайте, чем их завтра озадачить. И не стесняйтесь. Они вам тут быстренько порядок наведут. Или я им головы откручу. Да не переживайте так, сделают — расплачусь как положено. А то как-то нехорошо получается, мужик в доме вроде как есть, а вроде как и нет.

— Ну если так, то благодарствую.

— Ой, бросьте, — смешно всплеснув руками, с наигранным смущением произнес Петр.

— Проходите уже, весельчак.

— Марфа Кузьминична, я только умоюсь, переоденусь да пойду.

— Что так-то? Ужин на столе. Ждала вас.

— В гости зван. Поем там.

— Ну, как скажете.

Кессених не разочаровал. Помимо пива у него нашлись великолепно запеченный гусь и, разумеется, колбаски. Это для русских к пиву нет ничего лучше рыбы. Немцы на данный вопрос смотрят под несколько иным углом. Впрочем, не сказать, что Петр не разделял их взглядов.

Или это оттого, что квартирная хозяйка инженера оказалась поварихой выше всяческих похвал и сумела воплотить немецкий рецепт. Во всяком случае, Отто Рудольфович говорил именно так. А еще утверждал, что если она отправится с ним в Германию, то легко заткнет за пояс любого конкурента и за ее колбасками выстроится очередь. Что ж, кому, как не немцу, знать об этом.

— Отто Рудольфович, вы уж извините, но давно хотел спросить. Вы где именно воевали? — любопытствовал Петр и тут же поправился: — Только вы не подумайте, я ничего такого, просто интересно.

Они сидели в комнате инженера, являющейся одновременно его кабинетом, и попивали в меру охлажденный напиток. Правда, сейчас хорошо бы оказаться в креслах с высокими спинками. Да чтобы у камина, весело потрескивающего горящими поленьями. Уж больно вечер располагает.

— Я служил в армии генерал-фельдмаршала Макензена, если вам это о чем-то говорит.

— Кажется, это его стараниями в пятнадцатом году был опрокинут русский фронт?

— И не только. Его называли пожарным и направляли на самые ответственные и сложные участки. И Горлицкий прорыв — это его рук дело. Ну и моих в том числе. Вас это раздражает?

— Уверен, что вы не расстреливали и не истязали русских пленных и не участвовали в казнях мирных жителей. Это просто как-то не вяжется с вашим образом. В остальном... Была война, и вы выполняли свой долг. Война прошла, не вижу причин вас ненавидеть. И уж тем более после памятного происшествия. К тому же я не участвовал в той войне.

— Как такое могло случиться?

— Уж случилось. Не всем же воевать.

— Конечно, странно. Но с другой стороны, Россия имеет куда больше населения, чем Германия и бывшая Австро-Венгрия вместе взятые. Ну да бог с ней, с войной. Я тоже давно хотел вас спросить. Какое у вас образование?

— Школа и железнодорожное училище, по специальности машинист-механик.

— Но разбираетесь вы и в иных областях.

— Так, может, я просто уникам такой.

— Петр, уверен, что вы никогда не видели уникамов. Мне же довелось наблюдать одного. Он на интуитивном уровне улавливал правильное направление, но не мог толком ничего объяснить. Однажды я слышал поговорку, и она очень хорошо подходит к таким людям: «Он как собака — все понимает, только сказать ничего не может». Разумеется, это относится к уникаму, не имеющему образования. Вас это не касается. Сказать вы можете многое, пусть и не всегда технически грамотно. Но в то же время чувствуется, что ваша начитанность и ваши знания никак не укладываются в рамки железнодорожного училища.

— И вы совершенно правы. Я самоучка. Не совсем, конечно. До чего-то доходил сам, чему-то учился у знающих людей. Поездил по свету, повидал много разного люда. Остальное же... Ну, уникам не уникам, а на природную сметку не жалуясь.

— О да-а, я уже успел кое-что увидеть. — Инженер добродушно улыбнулся и отсалютовал Петру бокалом с пивом.

— А хотите, скажу, что мне сегодня пришло на ум во время рабочего дня? — слегка подавшись вперед, с задором произнес Пастухов.

— У вас еще есть время о чем-то там думать?

— А как еще коротать его в дороге? Вот и крутятся всякие-разные мысли.

— Внимательно слушаю вас, — без капли иронии подбодрил собеседника немец.

— Просто я посмотрел, как работает экскаватор, потом обратил внимание на то, как поднимают кузов самосвалы, и у меня родилась идея.

— Но, как всегда, грамотно подать вы ее не можете?

— Ну, допустим, это не всегда справедливо. Но в общем и целом — да. Грамотно к этому делу я подойти не смогу. Но на уровне того же механического молота в кузнице — вполне. То есть работать будет, хотя и не столь эффективно, как это возможно при вдумчивом подходе.

— Петр, вы меня уже заинтриговали. Так что не тяните.

— Мне бы где-нибудь начертить. Каракули, конечно, но словами я и вовсе не объясню.

— Ну что ж, прошу.

Кессених одним плавным движением поднялся со своего места и, подхватив керосиновую лампу, отошел к окну, у которого стоял кульман. Установил лампу на специальную подставку, так чтобы зеркальный отражатель был направлен на рабочую поверхность. Затем быстро перебрал несколько использованных альбомных листов и, выбрав с каким-то рисунком, закрепил его на кульмане чистой стороной наружу:

— Можете не стесняться.

— Благодарю.

Петр сделал большой глоток, допив остатки пива в бокале, и, отставив опустевшую посуду, взялся за карандаш. Вообще-то чертежником он был еще тем. Но тут весь расчет на опыт и знания Отто Рудольфовича. Грамотный мужик, а потому должен разобраться.

Пастухов как мог нарисовал схему обычного для его времени экскаватора, стрелы с двумя плечами. Вот только они не имели привычной для этого мира Х-образной формы, а скорее походили на руку. А еще вместо признанных тут массивных рейки, шестерни и сложной системы стальных тросов он предлагал использовать шарнирные соединения и четыре гидравлических цилиндра. Причем сам ковш у него получался подвижным.

— Цилиндры, шланги высокого давления, масляный насос, перепускные клапаны. Все это есть на самосвалах, только нужно их использовать по-другому, — пояснил Петр.

— Нет, цилиндры с самосвалов не подойдут. Там немного другая конструкция, — возразил инженер, помяв бритый подбородок.

— Можно слегка доработать, и будут функционировать как надо. В смысле работать конструкция будет, другой вопрос — насколько эффективно, — тут же поспешил поправиться Петр.

— Согласен. И все же лучше все просчитать и использовать специальные цилиндры.

— Это понятно. Я к тому, что, если понадобится опытный образец, у нас есть все необходимое для его изготовления. Корявый получится, но работать будет. И тут еще какое

дело — можно его создать на базе грузовика. По четырем сторонам выставляем лапы-упоры, и пожалуйста.

— Платформы грузовика будет явно недостаточно, — не согласился инженер.

— Это потому, что вы сразу представляете себе эдакого монстра с кубовым ковшом. А то и больше. Я же говорю о небольшом агрегате с емкостью ковша, ну, допустим, в треть куба. И для этого базы грузовика будет более чем достаточно. Плюс маневренность и выработка. Копать ямы или траншеи — без проблем. Пару-тройку десятков землекопов заменит с легкостью. Да еще и запросто можно перебрасывать на другие участки.

— Хм. А ведь и впрямь перспективы просто превосходные.

— Ага. Вы еще учтите, что работать такой экскаватор будет быстрее, чем существующий ныне. И даже при условии, что ковш останется кубовым, он выйдет куда компактнее.

— Но на морозе масло загустевает.

— И что? Для самосвалов придумали систему подогрева, так чем же экскаватор хуже?

— Н-да. А ведь может получиться. Да что там «может», обязательно получится. Только...

— Что «только»?

— Идея хороша. Скажу больше, заказав кое-какие детали на стороне, мы вполне сможем собрать опытный образец и здесь. В двадцати верстах от Слюдянки под кручей лежит разбитый грузовик, который давно уже списали. Конечно, местные с него кое-что скрутили, но не думаю, что так уж много. Им с него, кроме металла, взять нечего, да и тот без ключей и умений не так уж легко дастся. Но... Даже с учетом такой экономии у меня нет необходимых средств. Практически все свое жалованье я отправляю семье в Германию.

— Уважаемый Отто Рудольфович, вы забываете, что, кроме всего прочего, я еще и купец. Конечно, в настоящий момент в моем распоряжении не больше пяти тысяч рублей золотом. Но что-то мне подсказывает, что этих денег нам будет достаточно.

— То есть вы выступаете инвестором данного проекта?

— Соавтором, Отто Рудольфович. Соавтором. Я не способен рассчитать все должным образом, но идея и концепция мои. И согласитесь, пусть и корявый, но вполне рабочий агрегат я смогу собрать и сам, опираясь на свою интуицию, ощущения и не столь уж глубокие познания в механике.

— Трудно возразить. В таком случае нам необходимо сразу определиться о доле каждого из нас.

— Уважа-аю, — с легкой протяжкой и покачивая головой, произнес Петр. — Как насчет пятьдесят на пятьдесят?

— Устраивает, — тут же согласился немец, не ожидавший подобной щедрости от Петра.

В конце концов тот мог попросту нанять любого инженера, чтобы тот произвел необходимые расчеты. Тут ведь и впрямь нужна только идея, чтобы отойти от привычного стереотипа. Ведь облик экскаватора уже отпечатался в мозгах инженеров всего мира неким шаблоном, далее шли одни вариации.

— Тогда давайте как-нибудь выберемся в Иркутск и у стряпчего составим договор. Только не будем его афишировать, — предложил Петр. — На вас же оформим и патент. Я все одно в этом ничего не смыслю.

— Вы понимаете, что рискуете, отдавая оформление патента мне на откуп?

— Понимаю. Как, надеюсь, понимаете и вы, что обманывать меня — не лучшая затея.

— Ну вот, мы еще не стали партнерами, а вы мне уже угрожаете, — погрозив пальцем,

шутливо заметил инженер.

— Это не шутка, Отто Рудольфович. Меньше всего мне хочется портить с вами отношения. Я честен с вами и хочу, чтобы мне платили той же монетой.

— Я в курсе вашей истории с красноярским купцом, который стал невольным виновником того, что с вами случилось. Как в курсе и того, что вы его в том не вините и стали его партнером, — уже серьезно ответил Кессених. — И я понимаю, о чем вы говорите.

— Благодарю за понимание, Отто Рудольфович.

— Ну вот и договорились. Еще пива?

— Я, наверное, лучше пойду. Ведь вы мне на завтра отгул не дадите.

— Нет, — тут же отозвался инженер.

— Вот то-то и оно. Так что я лучше выплюсь, чтобы не заснуть за рулем. Да и вы, я гляжу, загорелись, так и тянетесь к кульману.

— Не стану лукавить. Возможность создать что-то новое заводит не на шутку.

— Доброй ночи.

— И вам доброй ночи.

Ну все, милый. Заглотил наживку по самое не балуй. Пусть получше увязнет, закончит с расчетами и чертежами, а там можно будет подбросить ему идею с драглайном.^[7] Таких вроде пока еще нет. Они, конечно, предпочтительнее на рытье каналов, углублении дна фарватеров и тому подобное, но какая разница. И вообще, при должном мастерстве экскаваторщика эту технику можно использовать куда шире. Да хотя бы для разгрузки сухогрузов.

К чему это все Петру? Так ведь все к тому же. Ему нужен грамотный инженер с богатым опытом. Он вовсе не отказался от мысли построить и наладить серийное производство дэвээсов, как дизельных, так и бензиновых. Но для этого ему нужен не просто инженер, а человек, на которого он сможет целиком и полностью положиться. В этой связи привязать к себе господина Кессениха, сблизиться с ним вовсе не будет лишним. По мнению Петра, совместные проекты будут способствовать этому самым наилучшим образом.

Разумеется, тут есть риск. А где его нет? Пусть война уже в прошлом и сегодня Германия и Россия все больше сотрудничают, это вовсе не значит, что спецслужбы обеих империй дремлют. Как бы не так. За другом нужно приглядывать с еще большим вниманием, чем за противником.

И Транссибирская магистраль, имеющая стратегическое значение, никак не может остаться без присмотра со стороны германского Генерального штаба. Нет, Кессених не является резидентом германской разведки. Здесь Петр уверен на все сто. Он, разумеется, при случае поставляет сведения общего характера, относящиеся к строительству дороги, но не более. Глупо не использовать возможности тех, кто находится на легальном положении, не так ли?

Поэтому-то Петр и остерегался немца, стараясь привязать его к себе хотя бы материальной заинтересованностью. Когда перед Отто Рудольфовичем встанет выбор между преданностью империи и личной выгодой, этот выбор уже не будет для него столь очевидным. И этот экскаватор должен был стать первой ласточкой.

Петр прекрасно осознавал: работая с грамотным инженером, сохранить в тайне свою историю невероятно трудно. Как ни старайся, но скрыть то обстоятельство, что ты не просто на интуитивном уровне о чем-то там догадываешься или видишь нечто, недоступное другим, не получится.

Разбирающийся в вопросе человек вскоре поймет, что ты говоришь о чем-то, что сам раньше видел и даже шупал. Вопрос, где, когда и как такое может быть, если этого быть не может? А там глядишь, окажешься взаперти, в каком-нибудь тайном заведении, где рано или поздно начинают говорить все. А тогда уж в лучшем случае — золотая клетка. Ну ее к ляду. Лучше уж бирюком в тайге, чем так-то.

Купить полную версию книги

notes

Примечания

Этап — пункт для ночлега и дневок партий арестантов и войсковых команд во время передвижений их по грунтовым дорогам. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Scheiße — дерьмо (нем.).

От нем. Ordnung, что переводится как «порядок».

«Катенька» — в дореволюционной России так в простонародье называли сторублевую купюру с изображением Екатерины Второй.

Oh mein Gott! — О мой бог! (*нем.*).

Железнодорожный вокзал в городе Слюдянке — единственный в мире вокзал, полностью построенный из белого мрамора.

Драглайн, тянуша (*англ.* dragline) — одноковшовый экскаватор со сложной канатной связью.

Поршни — простейшая старинная кожаная обувь.

Сартуловский полк — один из четырех бурятских казачьих полков, название которым давали по имени рода, представители которого составляли большинство личного состава.

В реальной истории этот мост был построен в 1916 году. Но в данном случае в связи со смещением сроков строительства Транссиба он еще только строится.